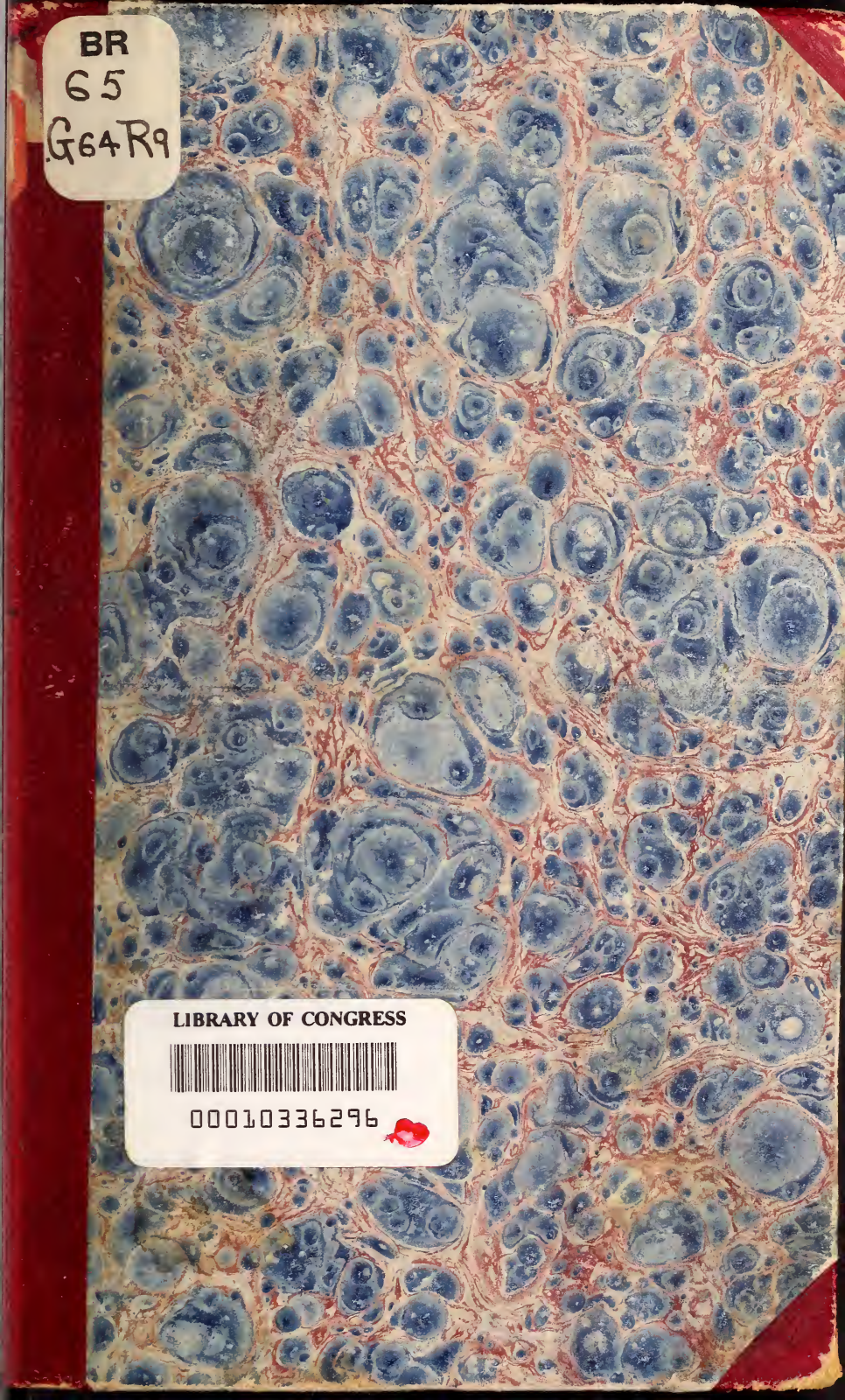
BR
65
G64R9



LIBRARY OF CONGRESS
00010336296

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Указатель Вознесенской Церкви

СЛОВО

ПЕРВОЕ

ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ,

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

Grigorius Nazianzenus, Saint, patriarch of Constantinople.

ГРИГОРІЯ НАЗІАНЗЕНА,

ПО

СЛУЧАЮ БѢГСТВА ЕГО,

ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ ВО ПРЕСВИТЕРА,

ВЪ ПОНТЪ И ВОЗВРАЩЕНІЯ ОТТУДА,

О ТОМЪ,

КАКОВЪ ЕСТЬ САНЪ СВЯЩЕНСТВА, И КАКОВЪ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ ЕПИСКОПЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА и К°.

1840.

BR65
.G64R9

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. Мая 28-го дня 1840 года.

Цензоръ, *С. Петербургской Д. Академіи Бакалавръ С. Іеромонахъ Іоасафъ.*

GIFT
RUSS. ORTHO. CHURCH. ALASKA
1940

Я побѣжденъ, и исповѣдую сію побѣду. *Повинухся Господеви, и умолихъ Его* (Псал. 36, 7),—да начнетъ симъ слово мое блаженнѣйшій Давидъ, или лучше, Тотъ, Кто говорилъ въ Давидѣ, и донынѣ еще говоритъ чрезъ него; потому что и самый лучшій порядокъ для начинающаго всякое слово и дѣло есть тотъ, чтобы начинать Богомъ и оканчивать Богомъ.

О причинѣ какъ моего прежняго упорства и малодушія, по которому я удалился отъ васъ, *бѣгая* (Пс. 54, 8), и въ удаленіи пробылъ немалое время, между тѣмъ, какъ вы, можетъ быть, желали меня, такъ и нынѣшней моей уступчивости и перемѣны, по которой я самъ добровольно возвратился къ вамъ, пусть вся-

кой, по любви ко мнѣ или по ненависти, думаетъ и говоритъ то или другое, кто меня осуждая, кто оправдывая, поелику для людей ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ говорить о чужомъ, и особенно, ежели ихъ увлекаетъ какая нибудь благосклонность или ненависть, отъ коихъ всего болѣе и любитъ истина скрываться. Но я, нимало не обинуяся, представлю самую истину, и для обѣихъ сторонъ, т. е., какъ для тѣхъ, кои меня обвиняютъ, такъ и для тѣхъ, кои меня усердно защищаютъ, буду безпристрастнымъ посредникомъ, то себя обвиняя, то себя оправдывая. Но дабы слово мое шло надлежащимъ путемъ, скажу сперва о робости, какъ о случившейся прежде. Я не могу вынести, чтобы нѣкоторые, тщательно наблюдая за всѣми моими поступками, правильны ли они или неправильны, мною соблазнялись, тогда какъ Богу благоугодно было, чтобъ я значилъ что нибудь у Христіанъ; и ежели есть уже соблазнившіеся, такихъ буду врачевать посредствомъ сего защищенія. Ибо хорошо не только самымъ грѣхомъ, но

и подозрѣніемъ, сколько это возможно и дозволитъ благоразуміе, не полагать другимъ преткновенія или соблазна: я знаю, какое неумолимое и жесточайшее наказаніе будетъ отъ Неложнаго даже тѣмъ, которые соблазнятъ *единаго отъ малыхъ*.

Случилось это со мною, о братія, не потому, чтобы я былъ неопытенъ и безразсуденъ, а еще менѣе потому (похвалюсь хотя нѣсколько), чтобы я презиралъ законы и постановленія Божественныя. Ибо какъ въ тѣлѣ иное начальствуетъ и какъ бы предсѣдательствуетъ, а иное находится подъ начальствомъ и подъ руководствомъ: такъ и въ церквахъ Богъ, по закону ли то справедливости, воздающей по достоинству, или даже своего промысла, все связующаго, постановилъ, чтобы одни, которымъ это полезнѣе, были пасомыми и подначальными, и словомъ и дѣломъ были направляемы къ своему долгу; а другіе, которые, подчинивъ тѣло душѣ, а душу уму, стали выше другихъ по добродѣтели и близости къ Богу, были

пастырями и учителями къ совершенію Церкви, дабы такимъ образомъ и то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи совокуплено и сцѣплено наподобіе членовъ, и соединено и связано союзомъ духа, представляло одно тѣло, совершенное и поистинѣ достойное самаго Христа, Главы нашей. Посему я не думаю, чтобы безначаліе и безпорядокъ были полезнѣе порядка и начальства какъ для всего другаго, такъ и для людей, и тѣмъ всего менѣе для людей, потому что они въ болѣе важномъ дѣлѣ подлежать опасности, именно въ томъ, чтобы они, если не сохранили перваго требованія своего долга, то есть, ни въ чемъ не грѣшить, то, по крайней мѣрѣ, исполнили второе требованіе, то есть, согрѣшивши, возставали. Но сколько это хорошо и справедливо, столько же, по моему мнѣнію, худо и безчинно какъ всѣмъ желать начальства, такъ и никому на себя не принимать онаго. Въ самомъ дѣлѣ, если бы всѣ убѣгали сего, служенія ли то или начальства (все равно какъ ни назовемъ);

въ такомъ случаѣ прекрасная полнота Церкви не имѣла бы у себя самой бо́льшей части, и не была бы уже прекрасною. Притомъ же какъ бы тогда и кѣмъ совершаемо было у насъ таинственное и горѣ возносящее Богослуженіе (что для насъ всего выше и важнѣе), когда бы не было ни царя, ни князя, ни священства, ни жертвы, ни всего того, лишеніемъ чего древле невѣровавшіе были наказаны, какъ самымъ величайшимъ наказаніемъ за великія преступленія? А съ другой стороны нимало не странно и не необычайно, и нисколько не противно узаконеннымъ правиламъ любомудрія и не предосудительно то, чтобъ упражняющіеся въ Богомудріи изъ подначальныхъ дѣлались начальствующими, подобно тому, какъ искусному корабельщику поручается править носомъ, и правящему носомъ, опытному въ наблюденіи вѣтровъ, управлять или завѣдывать кормиломъ, или, если угодно, храброму воину начальствовать надъ отрядомъ, и хорошему начальнику отряда предводительствовать войскомъ и распоряжать-

ся всею войною. Впрочемъ я не стыдился и сей степени достоинства, какъ-бы желая высшей, какъ, можетъ быть, подумаетъ кто нибудь изъ тѣхъ высокомѣрныхъ и заносчивыхъ людей, которые судятъ о другихъ по собственнымъ страстямъ. Я не такъ несвѣдущъ какъ въ Божественномъ величіи, такъ и въ человѣческой малости, чтобы не почитать за великое для всякаго сотвореннаго существа приближаться, какимъ бы то ни было образомъ, къ Богу, единому свѣтлѣйшему и сіятельнѣйшему, и превосходящему чистотою всякое существо, вещественное и невещественное.

Итакъ что же такое случилось со мною? Какая была причина моего непослушанія? Многимъ казалось, что я самъ на себя не походилъ, и былъ уже не такимъ, какимъ меня знавали, но сдѣлался совсѣмъ инымъ и болѣе надлежащаго противился и упорствовалъ. Выслушайте же мои причины на сіе, которыя знать, можетъ быть, давно уже вы желаете.

Во-первыхъ, я крайне былъ пора-

женъ незапностію, подобно тому, какъ нѣкоторые поражаются незапнымъ трескомъ, и не собрался съ мыслями. И вотъ почему я преступилъ свою скромность, къ которой во всю мою жизнь былъ привыченъ. Потомъ возникла во мнѣ склонность къ благу безмолвія и уединенія. Любя оное издавна такъ, какъ не знаю кто либо изъ занимающихся науками, и обѣщавъ оное Богу въ величайшихъ и труднѣйшихъ случаяхъ жизни, и уже коснувшись какъ бы его преддверія, и чрезъ то самое воспламенившись еще большимъ къ нему желаніемъ, я не могъ снести, чтобы мнѣ сдѣлали принужденіе, по неволѣ ввергли въ среду смущеній и отторгли отъ священнаго убѣжища такой жизни. Мнѣ думалось, что нѣтъ ничего лучше, какъ, закрывъ чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, собравшись въ себя самаго, не привязываясь ни къ чему человѣческому (когда въ этомъ нѣтъ никакой необходимости), бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго, носить въ себѣ Божественные образы, всегда чи-

стые, несмѣшенные съ земными представленіями и мечтаніями, быть и непрестанно дѣлаться истинно чистымъ зеркаломъ Бога и Божественнаго, переходить отъ свѣта къ свѣту,— отъ менѣе яснаго къ болѣе ясному, надеждою причащаться блаженства будущаго вѣка, сожительствовать Ангеламъ—еще на землѣ оставляя землю, и возноситься духомъ горѣ. Кто изъ васъ объятъ подобною же любовію, тотъ знаетъ, что я говорю, и извинитъ тогдашнее состояніе моего духа. Другихъ же, говоря это, я, можетъ быть, и не увѣрю, которые, т. е., обращаютъ въ смѣхъ все сіе дѣло, будучи худо расположены ко мнѣ либо по собственному своему неразумію, либо по навѣту людей недостойныхъ, кои, сочувствуя ненависти и злости черни, всегда болѣе склонной къ худшему, доброе дѣло называютъ худымъ, какъ то: любомудріе— тщеславіемъ, и непремѣнно грѣшатъ однимъ изъ двухъ: либо дѣлая злое, либо не вѣря доброму.

А кромѣ сего случилось со мною

еще вотъ что (скажу вамъ всю мою тайну, низко ли это или благородно, не знаю, только случилось). Мнѣ стыдно было за другихъ, которые не будучи ничѣмъ лучше, если только еще не гораздо хуже другихъ, съ неумовенными, какъ говорится, руками и съ нечистыми душами дерзаютъ на святѣйшія вещи, и, не сдѣлавшись достойными, приступаютъ къ священному, восходятъ на амвонъ, тѣснятся и толкаются вокругъ святой трапезы, думая, что сей чинъ есть не образецъ добродѣтели, а только способъ къ пропитанію, есть не служеніе, соединенное съ отвѣтственностію, а начальство, не подлежащее истязанію. И такихъ людей, бѣдныхъ по благочестію и несчастныхъ по блеску, едва ли числомъ не больше тѣхъ, надъ которыми они начальствуютъ, такъ что, мнѣ кажется, съ продолженіемъ времени и сего зла, наконецъ имъ не надъ кѣмъ будетъ начальствовать, когда, т. е, всѣ станутъ учить, вмѣсто того, чтобы, какъ говоритъ обѣтованіе, быть научаемыми Богомъ, и всѣ пророчествовать, такъ что, по древ-

ней исторіи и притчѣ, *и Саулъ* будетъ *во пророцѣхъ* (1 Цар. 10, 11). Ибо ни въ какое время, ни нынѣ ни прежде, ничего не бывало въ такомъ изобиліи, въ какомъ нынѣ находятся у Христіанъ таковые позоры и грѣхи; поелику если что когда и возникало, то скоро и прекращалось. Хотя удержать стремленіе сего зла превыше силъ моихъ; но уже не мало благочестія и въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, его ненавидѣть и стыдиться.

Послѣднею же и важнѣйшею изъ всѣхъ сказанныхъ причиною было слѣдующее (приступаю къ самой главной части моего слова и не обману, такъ какъ это неприлично тѣмъ, которые предлагаютъ слово о столь важномъ предметѣ). Я не думалъ, и теперь не думаю, чтобы одно и тоже значило начальствовать надъ стадомъ овецъ или воловъ, и управлять душами человѣческими. Ибо тамъ довольно, если волы или овцы будутъ очень тучны и жирны. Для каковой цѣли пастуху какъ воловъ такъ и овецъ нужно только находить влажныя и злачныя мѣста, гонять съ пастбища на паст-

бище, давать отдыхъ, поднимать и собирать иногда посохомъ, а чаще свирѣлью; другаго дѣла нѣтъ для овечьяго или воловьяго пастуха, развѣ случится иногда немного побиться съ волками, или походить за больнымъ: всего же болѣе онъ будетъ заботиться о дубѣ, о тѣни, о свирѣли, о томъ, чтобы полежать на хорошей травѣ, сдѣлать наскоро близъ холодной воды и подъ вѣтерками постель, пропѣть иногда съ стаканомъ любовную пѣсню, поговорить съ волами или съ овцами, и изъ нихъ же, что пожирнѣе, съѣсть или продать. А о добродѣтели овецъ или воловъ никто никогда не заботился. Ибо что у нихъ за добродѣтель? Или кто изъ нихъ когда предпочиталъ свое благо собственному удовольствію? Напротивъ, человѣку трудно умѣть быть и подъ начальствомъ; но еще труднѣе умѣть начальствовать надъ людьми, особенно же такимъ начальствомъ, каково наше, которое основано на законѣ Божіемъ и ведетъ къ Богу, и которое, чѣмъ выше

и важнѣе, тѣмъ опаснѣе, по крайней мѣрѣ, для человѣка разсудительнаго.

И во-первыхъ, онъ, всюду и во всякихъ случаяхъ и дѣлахъ, обращаясь какъ серебро или золото, никогда не долженъ звучать подобно изгари или мѣди, или содержать въ себѣ сколько нибудь вещества худшаго и достойнаго сильнѣйшаго огня. Въ противномъ случаѣ, зло будетъ тѣмъ большее, чѣмъ надъ большимъ числомъ онъ будетъ начальствовать; поелику зло, распространяющееся на многихъ, больше зла, остающагося при одномъ. Не такъ легко ткань принимаетъ неизгладимое пятно, не такъ легко вещи, одна подлѣ другой находящіяся, заимствуютъ одна отъ другой зловоніе или, противное тому, благовоніе, и не такъ легко разливается въ воздухѣ и чрезъ воздухъ сообщается животнымъ смертоносный паръ (который въ самомъ дѣлѣ есть и называется заразою), какъ подчиненные въ самомъ скоромъ времени обыкновенно наполняются порокомъ начальника, и притомъ еще гораздо удобнѣе, нежели противнымъ то-

му—добродѣтелію. Вотъ чѣмъ порокъ всего болѣе преимуществуетъ предъ добродѣтелію, и вотъ о чемъ всего болѣе я сокрушаюсь, помышляя, что порокъ есть дѣло, легко возбуждающее соревнованіе и удобно исполняемое, такъ что нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлаться порочнымъ, хотя бы никто насъ къ тому не руководствовалъ; а стяжаніе добродѣтели, напротивъ, есть дѣло рѣдкое и трудное, хотя многое насъ къ ней влечетъ и побуждаетъ. О семъ-то, мнѣ кажется, размышляя и блаженнѣйшій Аггей дошелъ до сего чуднаго и истиннѣйшаго изображенія: *вопросите Іереи законъ,* говорилъ онъ: *если святое мясо въ ризъ коснется какой либо пищи или питія или сосуда: освятитъ ли оно тотчасъ то, къ чему приблизилось?* Когда же священники сказали: нѣтъ; тогда онъ опять сказалъ: *вопросите паки: а если къ кому изъ васъ, когда вы нечисты, прикоснется что, не тотчасъ ли осквернится?* Священники должны были сказать, что осквернится, и сдѣлается нечистымъ чрезъ прикосновеніе (Агг. 2,

12—14). Что хотѣлъ онъ сказать, говоря это? То же, что говорю и я, то есть, что добро неудобопріемлемо для природы человѣческой, такъ какъ и огонь для влажнаго вещества; къ принятію же зла, напротивъ, способна наибольшая часть людей. Это, по моему мнѣнію, хворостъ, который, по сухости своей, отъ искры и вѣтра удобно возгарается и сгараетъ. Ибо скорѣе принимаютъ малый порокъ по многу, нежели великую добродѣтель по малу. Такъ и малость полыни весьма скоро сообщаетъ горечь меду, а медъ и въ сугубо большемъ количествѣ не сообщаетъ своей сладости полыни. И малый камешекъ, отторгшись, повлечетъ чрезъ свое отверстіе всю рѣку, которую однакожъ удержать или остановить едва ли возможетъ и самая твердая плотина.

И такъ изъ всего сказаннаго нами первое, чего надобно остерегаться, есть то, чтобы не оказаться намъ худыми живописцами чудной добродѣтели, а особенно — чтобы, хотя бы мы и нехудые были живописцы, не быть худымъ под-

линникомъ для народа, или, чтобы, по притчѣ, принимаясь врачевать другихъ, самимъ не покрываться ранами. Второе же: хотя бы кто и сохранилъ себя чистымъ отъ всякаго грѣха, и притомъ какъ наибольше: но я не знаю, довольно ли и сего для того, кто хочетъ учить другихъ добродѣтели. Ибо отъ того, кому это ввѣряется, требуется, не только то, чтобы онъ не былъ пороченъ (потому что симъ весьма гнушаются многіе и изъ подчиненныхъ), но и то, чтобы онъ отличался добродѣтелію, по заповѣди, повелѣвающей уклоняться отъ зла и творить благо (Пс. 36, 27); чтобы не только изглаждалъ въ душѣ худые образы, но и начертывалъ въ ней лучшіе, такъ, чтобы болѣе превосходилъ добродѣтелію, нежели сколько превосходитъ достоинствомъ; чтобы не зналъ никакой мѣры въ добродѣтели и въ восхожденіи на высоту, и не столько почиталъ для себя прибылью то, что пріобрѣтено, сколько потерею то, что не пріобрѣтено; чтобы то, что достигнуто, всегда полагалъ для себя степенью къ дальнѣй-

шему, и не то считалъ за великое, если отличается чѣмъ отъ народа, но то ставилъ себѣ въ потерю, если не соотвѣтствуетъ своему достоинству; чтобы во всякомъ добромъ дѣлѣ соображался съ законовѣдію, а не съ людьми, не только худыми, но и хотя сколько нибудь добродѣтельными, и не взвѣшивалъ на малыхъ вѣскахъ добродѣтели, коею обязанъ Великому, отъ Котораго все, и въ Котораго все; и чтобы не думалъ, что всѣмъ все прилично (такъ какъ и не у всѣхъ людей одинъ и тотъ же возрастъ, ни одни и тѣ же черты лица; равно не одни и тѣ же свойства у животныхъ, не одни и тѣ же качества у всякой земли, не однѣ и тѣ же красота и величина у свѣтилъ), но почиталъ въ частномъ человѣкѣ порокомъ дѣла дурныя и достойныя наказанія, которыхъ и законъ есть строгій отмститель; а въ начальникѣ или предстоятелѣ даже то, если онъ не превосходитъ всѣхъ и не преуспѣваетъ всегда въ добродѣтели; потому что онъ долженъ привлекать народъ къ порядку превосходствомъ своей добродѣтели, и

не силою обуздывать его, но плѣнять убѣжденіемъ. Ибо все то, что дѣлается по принужденію, кромѣ того, что насильственно, и не заслуживаетъ похвалы, еще и не можетъ быть твердо. Принужденное силою подобно растенію, насильно рукою согнутому, которое, бывъ отпущено, опять принимаетъ свой прежній видъ; а то, что бываетъ по произволенію, и весьма справедливо и вмѣстѣ весьма твердо, потому что скрѣпляется и сохраняется доброю волею. И вотъ, конечно, почему наипаче нашъ законъ и Законоположникъ повелѣваютъ пасти стадо *не нуждою, но волею* (1 Петр. 5, 2).

Положимъ даже, что кто нибудь не только непороченъ, но и восшелъ на самый верхъ добродѣтели: я однако не вижу, какое пріобрѣтши знаніе или на какую понадѣявшись силу, могъ бы кто нибудь отважиться на сіе начальство. Ибо управлять человѣкомъ, симъ хитрѣйшимъ и измѣнчивѣйшимъ животнымъ, есть, по моему мнѣнію, искуство изъ искуствъ и знаніе изъ знаній. И въ этомъ всякой

удостовѣрится, если, сравнивъ врачеваніе душъ съ леченіемъ тѣлъ, узнаетъ, сколько первое послѣдняго и труднѣе и вмѣстѣ важнѣе и по свойству предмета, и по силѣ знанія, и по цѣли дѣйствія.

Послѣднее производится надъ тѣлами, веществомъ тлѣннымъ и долу стремящимся, долженствующимъ непремѣнно разрушиться и покориться своей природѣ; ибо хотя бы теперь силою искуства и побѣждено было болѣзненное состояніе тѣла; но тѣло, уступая природѣ и не преступая своихъ предѣловъ, разрушится или болѣзнію, или временемъ. Первое же занимается душею, которая произошла изъ Бога и Божественна, которая причастна горнему благородству и къ оному должна быть возводима; которая, хотя и соединена съ худшимъ, но это, можетъ быть, и для многихъ другихъ цѣлей, которыя знаетъ одинъ Богъ, такое соединеніе устроившій, и развѣ еще кто получилъ отъ Бога познаніе о таковыхъ таинствахъ, сколько же знаю я и подобные мнѣ, это для двухъ причинъ: съ одной стороны для того,

чтобы душа наслѣдовала горнюю славу за свой подвигъ и брань съ земнымъ, искусившись имъ, какъ золото огнемъ, и достигла блаженства уповаемаго, не только какъ милости Божіей, но и какъ награды за добродѣтель (что и показываетъ крайнюю благость Божію, чтобы, т. е., добродѣтель была и нашимъ дѣломъ, будучи не только всѣяна въ насъ отъ природы, но и совершаема нашимъ произволеніемъ и дѣйствіями нашей обоесторонней свободы); а съ другой стороны и для того, чтобы душа и худшее увлекала за собою и возводила горѣ, разрѣшая оное мало по малу отъ дебелости, дабы, что Богъ для души, то и душа была для тѣла, управляя симъ служебнымъ веществомъ по своей волѣ и сего клеврета своего приближая къ Богу.

Сверхъ того врачъ беретъ въ разсмотрѣніе мѣсто, случай, возрастъ, время года и тому подобное, даетъ лекарства, предписываетъ діету, и предостерегаетъ отъ всего вреднаго, дабы прихоти больнаго не воспрепятствовали искуству; и,

въ случаѣ нужды, употребляетъ даже жженія, сѣченія и другія мучительнѣйшія врачебныя средства. Но все это, какъ бы ни было многотрудно и утомительно, однако еще не таково, какъ наблюдать и врачевать нравы, страсти, привычки, склонности и подобное, изгонять изъ насъ все, что только къ намъ приросло звѣрскаго и дикаго, и на мѣсто сего вводить и утверждать все кроткое и Боголюбезное, надлежащимъ образомъ управлять душею и тѣломъ,—тѣлу, какъ худшему, не давая владычествовать надъ душею, что было бы величайшею несправедливостію, а душѣ, какъ начальствующей и господствующей, подчиняя тѣло, какъ нисшее по природѣ, чего требуетъ законъ Божій, прекрасно учрежденный для всего творенія какъ видимаго, такъ и сверхчувственнаго.

Притомъ же я усматриваю еще и то, что все исчисленное мною, надъ чѣмъ трудится врачь, каково бываетъ по природѣ, такимъ и остается, и само собою нимало не злоумышляетъ и не злоухищряется противъ того, что употреб-

ляется искуствомъ, такъ что, напротивъ, врачебное искуство совершенно владѣетъ тѣломъ, развѣ только произойдетъ какой либо безпорядокъ отъ больнаго, что, впрочемъ, и предотвратить и остановить не трудно. Но для насъ служатъ величайшимъ препятствіемъ къ добродѣтели разумъ, самолюбіе, неумѣнье и нежеланіе легко покоряться, и бываютъ какъ бы нѣкіимъ вооруженнымъ ополченіемъ противъ тѣхъ, кои въ нашу же пользу дѣйствуютъ. Мы съ такимъ же тщаніемъ стремимся убѣгать врачеванія, съ какимъ надлежало бы открывать врачамъ болѣзнь. Мы храбры противъ самихъ себя и искусны противъ собственнаго своего здоровья. То мы, подобно рабамъ, утаеваемъ свой грѣхъ и скрываемъ его во глубинѣ души, какъ нѣкоторый загнойвшійся злокачественный нарывъ, какъ будто, скрывшись отъ людей, можемъ скрыться и отъ великаго ока и суда Божія; то придумываемъ оправданія во грѣхахъ, изобрѣтая предлоги къ извиненію страстей; то, заградивъ слухъ, наподобіе *аспида*

глуха и затыкающаго уши, усиливаемся не слышать гласа обавающихъ (заговорщиковъ), чтобы не увращеваться врачевствами мудрости, которыми изцѣляется болѣзнь души; то, наконецъ, (по крайней мѣрѣ отважнѣйшіе и храбрѣйшіе изъ насъ) и явно не стыдимся ни грѣха, ни врачующихъ оный, *идя,* какъ говорится, съ открытымъ челомъ на всякое беззаконіе, и (о безуміе! или назовите порокъ сей другимъ какимъ приличнѣйшимъ именемъ) тѣмъ, которыхъ надлежало бы любить, какъ благодѣтелей, мы мстимъ, какъ врагамъ, ненавидя *обличающихъ во вратѣхъ* (Агг. 2, 15) и гнушаясь добрымъ совѣтомъ, и думаемъ тѣмъ болѣе причинить вреда доброжелательствующимъ намъ, ежели сами сдѣлаемся болѣе худыми, подобно какъ если бы кто, грызя собственную плоть, думалъ, что снѣдаетъ плоть ближнихъ.

Вотъ причины, по которымъ почитаю я наше врачеваніе гораздо труднѣйшимъ, а потому и важнѣйшимъ врачеванія тѣлеснаго! Къ сему должно присовоку-

пить еще и то, что послѣднее мало проникаетъ во внутренность тѣла, и болѣе занимается наружною его стороною. Предметомъ же всего нашего врачеванія и попеченія есть *потаенный сердца человѣкъ*, и мы ведемъ брань съ такимъ врагомъ, который внутри насъ воюетъ и сражается, и, употребляя оружіемъ противъ насъ насъ же самихъ, что всего ужаснѣе, поражаетъ насъ смертію грѣха. Противъ сего потребна великая и совершенная вѣра, а еще больше содѣйствіе Божіе; но немалое, какъ я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, потребно и съ нашей стороны сопротивленіе, оказываемое и употребляемое и словомъ и дѣломъ, если на насъ лежитъ обязанность хорошо врачевать и изцѣлять души, всего болѣе заслуживающія того, чтобы мы ихъ считали дороже всего, что имѣемъ.

Что же касается до цѣлей того и другаго врачеванія,—о чемъ намъ остается еще сказать,—то цѣль врачевства тѣлеснаго есть здоровье и благосостояніе тѣла, то есть, или сохраненіе настоящаго здоровья, или возвращеніе потерян-

наго; между тѣмъ какъ еще неизвѣстно, то или другое будетъ для обладающихъ полезно (потому что для многихъ бывало гораздо полезнѣе и нездоровье, подобно какъ бѣдность и богатство, слава и безславіе, уничиженіе и знатность, и все по свойству своему среднее, и само по себѣ ни къ той ни къ другой сторонѣ не клонящееся, бываетъ лучшимъ или худшимъ по употребленію и расположенію тѣхъ, которые обладаютъ онымъ): а цѣль врачевства духовнаго есть окрылять и восхищать душу изъ міра и возводить ее къ Богу; сохранять, если цѣлъ, удерживать, если близокъ къ паденію, и возстановлять, если палъ, образъ Божій; вселять Христа въ сердца чрезъ содѣйствіе Духа; кратко, дѣлать богомъ, и причастникомъ горняго блаженства, того, кто есть горняго происхожденія. Сіе-то было цѣлію и дѣтоводителя (ко Христу) закона, и посредствующихъ между Христомъ и закономъ Пророковъ, и совершителя и конца духовнаго закона, Христа, и истощанія Божества, и воспріятія плоти, и новаго смѣшенія (μίξις), т. е, Бога

и человѣка, одного изъ обоихъ и обоихъ чрезъ одно. Для сего-то Богъ смѣсился (ἀνεκράθη), чрезъ посредство души, съ плотію, и несовокупимое совокупилось чрезъ сродство посредствующаго съ обоими. Все соединилось за все и за одного прародителя: душа за душу преслушавшую, плоть за плоть вмѣстѣ и преслушавшую и осужденную, и Христосъ, непричастный грѣху и превысшій грѣха, за Адама, падшаго въ грѣхъ. Для сего-то на мѣсто древняго введено новое, чрезъ страданіе возстановленъ пострадавшій, и за все наше воздано вполнѣ отъ Того, Кто выше насъ;—и произошло новое таинство:—человѣколюбное домостроительство касательно падшаго чрезъ непослушаніе. Для сего—рожденіе и Дѣва; для сего—ясли и Виѳлеемъ. Рожденіе вмѣсто созданія; Дѣва вмѣсто жены; Виѳлеемъ вмѣсто Едема; ясли вмѣсто рая; малое и видимое вмѣсто великаго и сокровеннаго. Для сего и Ангелы, славящіе сперва небеснаго, потомъ и земнаго, и пастыри, видящіе славу на Агнцѣ и Пастырѣ, и звѣзда водительствующая, и

волхвы, поклоняющіеся и приносящіе дары, дабы, то есть, сокрушилось идолослуженіе. Для сего Іисусъ крестится и и свидѣтельствуется свыше, постится, искушается и побѣждаетъ побѣдившаго. Для сего демоны изгоняются, болѣзни изцѣляются и великая проповѣдь поручается малымъ и ими совершается. Посему-то и мятутся народы и люди помышляютъ тщетное. Для сего древо вмѣсто древа, и ру́ки вмѣсто рукѝ, т. е., вмѣсто рукѝ, невоздержаніемъ простертой, ру́ки мужественно простертыя, вмѣсто рукѝ ослабленной, ру́ки пригвожденныя, вмѣсто рукѝ, извергшей Адама, ру́ки, собирающія концы. Для сего вознесеніе вмѣсто паденія, желчь вмѣсто вкушенія, терновый вѣнецъ вмѣсто злоупотребленнаго владычества, смерть вмѣсто смерти, мракъ вмѣсто свѣта, гробъ вмѣсто возвращенія въ землю, и востаніе вмѣсто востанія. Все это было со стороны Бога нѣкоторымъ въ отношеніи къ намъ дѣтоводительствомъ и врачеваніемъ нашей немощи, дабы возвести ветхаго Адама туда, откуда онъ низпалъ, и при-

вести къ древу жизни, отъ котораго удалило насъ неблаговременное и несчастное вкушеніе отъ древа познанія. Сего-то врачеванія всѣ мы, которые предсѣдательствуемъ выше другихъ, всѣ мы—служители и сотрудники, мы, для которыхъ важно и то, чтобы знать и врачевать собственные недуги и болѣзни (впрочемъ это не было бы еще важно, если бы не заставила меня это сказать порочность многихъ, находящихся въ семъ чинѣ); но гораздо еще важнѣе умѣть искусно врачевать и изцѣлять недуги и болѣзни другихъ, и притомъ такъ, чтобъ это было полезно для той и другой стороны, т. е., какъ для тѣхъ, которые пользуются врачеваніемъ, такъ и для тѣхъ, которымъ поручено врачеваніе.

Далѣе: врачи тѣлъ, какъ извѣстно, подвергаются трудамъ, безсонницамъ и заботамъ, и отъ чужихъ страданій, какъ сказалъ одинъ изъ ихъ же мудрецовъ, сами получаютъ скорби; и чтобы помочь больнымъ, иное познаютъ и изобрѣтаютъ сами собственными усиліями, а иное узнаютъ и заимствуютъ отъ другихъ; и

нѣтъ ничего, что они ни дѣлаютъ или опускаютъ, хотя бы то было самое маловажное, что бы не почиталось у нихъ важнымъ либо для возстановленія здоровья, либо для предотвращенія опасности. Но для чего все это? Для того, чтобы человѣкъ больше дней прожилъ на землѣ, и притомъ еще, можетъ быть, такой, который не изъ числа добрыхъ, но изъ числа самыхъ беззаконныхъ, которому, какъ порочному, можетъ быть, лучше было бы давно уже умереть, дабы освободиться отъ величайшей изъ болѣзней,—отъ порока. А хотя бы то былъ и изъ добродѣтельныхъ, но долго ли ему жить? всегда ли? и какая ему польза отъ здѣшней жизни, отъ которой желать разрѣшиться есть первое и вѣрнѣйшее благо, какъ мнѣ кажется, и свойственно человѣку, истинно и здраво разсуждающему? Но намъ, которымъ должно бояться за спасеніе души, назначенной для блаженства и безсмертія, и имѣющей вѣчно или мучиться за порокъ, или прославляться за добродѣтель, какъ много намъ должно подвизаться, или сколь-

ко намъ нужно имѣть искуства для того, чтобъ хорошо врачевать или врачеваться, измѣнить жизнь и покорить персть духу! Ибо не одни и тѣ же понятія и склонности у пола женскаго и мужескаго, у юности и старости, у богатства и бѣдности, у веселаго и печальнаго, у больнаго и здороваго, у начальниковъ и подчиненныхъ, у мудрыхъ и неученыхъ, у робкихъ и отважныхъ, у гнѣвливыхъ и кроткихъ, у твердыхъ и падающихъ; и если вникнуть тщательнѣе, какое еще несходство между брачными и безбрачными! — и у сихъ опять между пустынножителями и живущими въ обществахъ и въ братствахъ, между упражняющимися и провождающими жизнь въ созерцаніи и просто живущими; далѣе, между городскими и сельскими, между простыми и хитрыми, между занятыми дѣлами и праздными отъ дѣлъ, между потерпѣвшими измѣну счастія и наслаждающимися благополучіемъ и незнакомыми съ несчастіемъ! Всѣ таковые отличаются одни отъ другихъ и желаніями и склонно-

стями, иногда болѣе, нежели видомъ тѣлеснымъ, или, если угодно, болѣе, нежели сложеніемъ и темпераментомъ ихъ тѣлеснаго состава. А потому и не очень легко имѣть за ними смотрѣніе. И какъ для тѣлъ не одинаковыя употребляются и лекарства и пища, но различныя какъ для здоровыхъ, такъ и для больныхъ: такъ и души врачуются различнымъ образомъ и способомъ. О необходимости такого врачеванія свидѣтельствуютъ сами больные. На однихъ дѣйствуетъ слово, другіе исправляются примѣромъ; для однихъ нужны шпоры, для другихъ узда; ибо одни лѣнивы и неудобоподвижны къ добру—таковыхъ надобно понуждать бичемъ слова, а другіе чрезмѣрно горячи духомъ и неудержимы въ стремленіяхъ, несясь, подобно молодымъ рьянымъ конямъ, далѣе цѣли—таковыхъ можно дѣлать лучшими чрезъ слово востягающее и удерживающее. Для однихъ полезна похвала, для другихъ порицаніе, бывъ впрочемъ та и другое употреблены благовременно; иначе, отъ неблаговременности и неблагоразумія, они

повредятъ. Однихъ исправляетъ увѣщаніе, другихъ обличеніе, и послѣднее притомъ, когда одни явно обличаются, а другіе тайно вразумляются; ибо одни обыкновенно пренебрегаютъ вразумленія, дѣлаемыя наединѣ, и приходятъ въ чувство отъ всенароднаго обличенія; а другіе обыкновенно теряютъ весь стыдъ отъ явныхъ обличеній, и смягчаются отъ тайной укоризны, и за таковое къ нимъ снисхожденіе платятъ благопокорностію. За одними, которые, думая быть неизвѣстными,—потому что умѣютъ скрывать себя, какъ люди умнѣйшіе,—содѣлываются надменными, необходимо тщательно наблюдать даже до малѣйшихъ поступковъ; а за другими иного лучше не замѣчать, и какъ бы, по пословицѣ, видя не видѣть и слыша не слышать, чтобы, иначе, потопивъ чрезмѣрными обличеніями, не привесть ихъ въ отчаяніе, и наконецъ, истребивъ стыдливость, сіе врачество благопокорности, не сдѣлать дерзновенными на все. А въ отношеніи къ нѣкоторымъ должно иногда не гнѣваясь гнѣваться, не прези-

рая презирать, и не отчаяваясь отчаяваться, т. е., принаровляясь къ ихъ свойствамъ; а другихъ надобно врачевать кротостію, смиреніемъ, и сочувствіемъ ихъ лучшимъ о себѣ надеждамъ. Однихъ иногда полезнѣе бываетъ побѣждать, а отъ другихъ быть побѣждаемыми. У однихъ надобно либо хвалить, либо порицать богатство и силу, а у другихъ— бѣдность и разстройство дѣлъ. Ибо врачевство наше не таково, какъ добродѣтель и порокъ, изъ коихъ первая всегда и для всѣхъ всего лучше и полезнѣе, а послѣдній всего хуже и гибельнѣе; напротивъ, наше врачевство одно и то же не всегда даже для однихъ и тѣхъ же оказывается или весьма спасительнымъ или весьма опаснымъ, какъ напр. строгость или кротость, и всякое другое изъ исчисленныхъ нами; но для однихъ хорошо и полезно одно, а для другихъ—другое, тому противное, смотря, какъ думаю, по стеченію случаевъ и обстоятельствъ, и по состоянію врачуемыхъ. Впрочемъ все это изобразить словомъ и понять умомъ во всей

подробности, такъ чтобы показать вкратцѣ весь способъ врачеванія, невозможно, сколько бы кто ни употребилъ тщанія и ума; на самомъ же опытѣ и дѣлѣ оно ясно бываетъ для умнаго врача. Вообще извѣстно намъ, что какъ ходящимъ по протянутой вверху тонкой веревкѣ не безопасно склоняться на стороны, такъ что и малое, по видимому, склоненіе подвергаетъ немалой опасности, и безопасность для таковыхъ зависитъ отъ равновѣсія: такъ и начальствующему, куда бы онъ ни пошатнулся, по порочности ли то или по невѣжеству, немалая предстоитъ опасность пасть въ грѣхъ, какъ ему самому, такъ и его подчиненнымъ. Но надобно идти путемъ прямо царскимъ и блюстись, чтобы не уклониться, какъ говорится въ Притчахъ, ни на право ни на лѣво (Притч. 4, 27). Таково свойство болѣзней нашихъ и столь великій предлежитъ трудъ доброму пастырю, долженствующему совершенно знать души паствы, и быть вождемъ ихъ по духу праваго и закон-

наго пастырства, достойнаго истиннаго нашего Пастыря.

Что касается до самаго преподаванія ученія (скажу напослѣдокъ о томъ, что для насъ самое первое), говорю о преподаваніи ученія Божественнаго и высокаго, чѣмъ всѣ нынѣ занимаются; сіе дѣло таково, что если кто отваживается на оное, почитая его доступнымъ для всякаго ума; то я дивлюсь таковому за его разумъ, чтобъ не сказать за безуміе. По моему же мнѣнію, не самыхъ послѣднихъ людей, и немалаго ума, дѣло—вовремя давать каждому житомѣріе слова и съ хозяйственнымъ благоразуміемъ распоряжаться догматами нашей Вѣры, какіе только у насъ приняты о мірахъ или о мірѣ, о веществѣ, о душѣ, объ умѣ и разумныхъ существахъ—добрыхъ и злыхъ, о Промыслѣ—все сохраняющемъ и управляющемъ, согласно ли что съ земнымъ разумомъ человѣческимъ происходитъ, или несогласно; также о первомъ нашемъ сотвореніи и о послѣднемъ возсозданіи, о прообразованіяхъ и истинѣ

(прообразованной), о завѣтахъ, о первомъ и второмъ пришествіи Христовомъ, о Его воплощеніи, страданіяхъ, смерти и воскресеніи, о кончинѣ (міра), о судѣ и воздаяніи—страшномъ для насъ и славномъ, и, главное, что намъ должно знать, (догматъ) о начальной, царственной и блаженной Троицѣ. Вразсужденіи сего-то догмата поистиннѣ самая большая предстоитъ опасность тѣмъ, на коихъ возложена обязанность просвѣщать другихъ, дабы ученіе или, изъ опасенія многобожія, ограничившись единою Упостасію, не оставило намъ голыхъ именъ, такъ чтобы мы принимали Отца и Сына и Святаго Духа за одно, или, раздѣлившись на трехъ либо разнородныхъ и особыхъ (ἐκφύλους καὶ ἀλλοτρίους), либо неподчиненныхъ и безначальныхъ (ἀτάκτους καὶ ἀνάρχους) и, такъ сказать, противоположныхъ боговъ (ἀντιθέους), не впало въ противоположное, но равное первому, зло, подобно тому, какъ бываетъ съ расколотымъ деревомъ, слишкомъ наклоненнымъ въ разныя стороны. Нынѣ три существуетъ недуга

въ Богословіи: безбожіе, іудейство и многобожіе, изъ коихъ перваго виновникъ—Савеллій Ливійскій, втораго—Арій Александрійскій, а третьяго—нѣкоторые изъ нашихъ чрезъ мѣру православные. Каковожъ должно быть наше ученіе? Должно, избѣгая всего того, что въ сихъ трехъ недугахъ есть гибельнаго, пребывать въ предѣлахъ благочестія, и не вдаваться ни въ безбожіе Савеллія, происходящее изъ сего новаго раздѣленія или совокупленія, дабы либо, почитая всѣхъ за одно, не почéсть вмѣстѣ и каждаго за ничто, потому что многіе предметы, проходя и проникая другъ друга, перестаютъ уже быть тѣмъ, что суть; либо не вообразить и вымыслить себѣ нѣкоего сложнаго и нелѣпаго бога, подобнаго баснословнымъ животнымъ;—ни впадать въ іудейскую скудость, разсѣкая естества по Аріеву, такъ хорошо называемому, бѣшенству, дабы не ввести какъ бы нѣкую зависть въ Божеское естество, приписавъ божество Единому Нерожденному, какъ бы изъ опасенія, что Богъ растлится, если будетъ Отцемъ

истиннаго и равночестнаго по естеству Бога;—ни вводить еллинскаго, коего мы избѣжали, многоначалія, дабы не поставить три начала или одно противъ другаго, или одно рядомъ съ другимъ. Не надобно быть ни такими любителями Отца, чтобъ отнять у Него отчество; ибо чьимъ былъ бы Онъ отцемъ, если бы Сынъ былъ, вмѣстѣ съ тварію, отдѣленъ и отчужденъ отъ Него по естеству (поелику что чуждо, то не есть Сынъ), или смѣшивался съ Отцемъ и сливался, а равно сказать, и сливалъ?—ни такими любителями Христа, чтобъ ни Ему не оставить сыновства; ибо чей бы Онъ былъ сынъ, не будучи относимъ къ Отцу, какъ къ началу?—ни Отцу—достоинства начала, свойственнаго Ему, какъ Отцу и Родителю; ибо Онъ былъ бы началомъ вещей низкихъ и недостойныхъ, или лучше, въ смыслѣ низкомъ и недостойномъ, если бы не былъ началомъ Божественныхъ совершенствъ, созерцаемыхъ въ Сынѣ и Духѣ,—въ первомъ, какъ въ Сынѣ и Словѣ, а въ послѣднемъ, какъ въ Исхожденіи (προόδω) и нераздѣлимомъ Ду-

хѣ. Поелику необходимо и единымъ Бога признавать, и три Ѵпостаси исповѣдывать, и—каждую по ея свойству.

Но чтобъ достаточно и по достоинству все сіе понять и изложить, для сего потребно слово болѣе продолжительное, нежели какъ позволяетъ настоящее время и даже, какъ думаю, цѣлая жизнь; наипаче же для сего и нынѣ и всегда потребенъ Духъ, при содѣйствіи котораго только и можно о Богѣ и мыслить и говорить и слушать.—Ибо чистому должно прикасаться только чистое и ему подобное. Коснулись же мы сего нынѣ вкратцѣ и мимоходомъ для того, чтобы показать, что бесѣдующему о такихъ предметахъ, особенно предъ народомъ, который, имѣя въ себѣ всевозможные возрасты и навыки, какъ нѣкій многострунный органъ имѣетъ нужду и въ различныхъ удареніяхъ, трудно имѣть такое слово, которое могло бы всѣхъ устроить и осіять свѣтомъ познанія. И сіе не потому только, что ему между сими тремя вещами, какъ то: мыслію, словомъ и слухомъ, пред-

лежитъ неизбѣжная опасность преткнуться по крайней мѣрѣ на одной какой нибудь, если не на всѣхъ (ибо либо умъ не просвѣщенъ, либо слово—слабо, либо слухъ, не бывъ очищенъ, не вмѣщаетъ, и отъ одного изъ сихъ также, какъ и отъ всѣхъ, по необходимости пострадаетъ истина), но и потому, что то самое, что для обучающихъ чему нибудь другому содѣлываетъ ученіе весьма удобнымъ и благопріятнымъ, то есть, усердіе слушающихъ, — то самое здѣсь обращается во вредъ и опасность. Ибо здѣсь чѣмъ горячѣе слушатели вѣрою, какъ подвизающіеся за Бога, яко за Высочайшее изъ существъ, и за свое спасеніе, яко за первѣйшую для всѣхъ надежду; тѣмъ бываютъ и упорнѣе противъ ученія, и, почитая послушаніе оному за предательство истины, а не за благочестіе, готовы скорѣе отвергнуть все, только не мысли, кои приносятъ съ собою, и не привычку къ мнѣніямъ, въ которыхъ воспитаны. И это, о чемъ говорю, есть недугъ людей еще умѣреннѣйшихъ и не совершенно ху-

дыхъ, которые хотя и погрѣшаютъ въ истинѣ, но, можетъ быть, за то самое, что подвергаются сему отъ усердія (къ истинѣ) и что имѣютъ ревность, хотя не по разуму, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые не такъ строго будутъ осуждены и не такъ много наказаны, какъ тѣ, которые по злонравію и лукавству отпадаютъ отъ воли Господней. И таковые, можетъ быть, нѣкогда разувѣрятся и перемѣнятся, по дѣйствію того же самаго усердія, по которому прежде противились, ежели только ихъ коснется какое нибудь ученіе, и, внутри или отвнѣ, благовременно ударитъ, какъ желѣзо въ кремень, въ предрасположенный и достойный свѣта ихъ умъ, такъ, что въ немъ отъ малой искры мгновенно возсіяетъ свѣтъ истины. Но что сказать о тѣхъ, которые, по тщеславію или любоначалію, *неправду въ высоту глаголютъ* (Пс. 72, 8), о кичливости какого нибудь Іаннія или Іамврія, которые вооружаются не противъ Моисея, но противъ истины, и востаютъ противъ здраваго ученія (2 Тим. 3, 8)? Или о

третьей части, т. е., о тѣхъ, которые, по невѣжеству и неразлучной съ нимъ дерзости, точно какъ свиньи, бросаются на всякое ученіе и попираютъ прекрасныя жемчужины истины? Или о всѣхъ тѣхъ, которые, не имѣя никакого собственнаго понятія и никакого въ умѣ образца, ни худаго ни добраго, касательно ученія о Богѣ; но приставая ко всякимъ ученіямъ и учителямъ, какъ бы съ намѣреніемъ извлечь изъ всего самое лучшее и вѣрное, и довѣряя въ томъ самимъ себѣ, то есть, недобрымъ судьямъ истины, потомъ, увлекаясь и обращаясь туда и сюда всякимъ видомъ мнѣнія, поражаясь и подавляясь всякимъ ученіемъ, перемѣнивъ многихъ учителей и бросивъ многія ученія, какъ пыль на вѣтеръ, наконецъ, ослабѣвши и слухомъ и умомъ, (о безуміе!) получаютъ одинаковое отвращеніе ко всякому ученію и, осмѣивая насъ и презирая, составляютъ себѣ жалкое понятіе и о самой Вѣрѣ нашей, какъ бы она была нетверда и не имѣла ничего здраваго, т. е., по невѣжеству заключаютъ

отъ учителей къ самому ученію;—что подобно тому, какъ если бы кто, имѣя больныя глаза или уши, сталъ обвинять солнце или звуки, первое въ томъ, что оно темно и не сіяетъ, а послѣдніе, что они слабы и тихи? Посему-то гораздо легче напечатлѣвать истину на душѣ вновь, какъ на воскѣ, на которомъ еще не было ничего напечатано, нежели начертывать на ней ученіе благочестія уже по письменамъ, то есть, по принятіи ею худыхъ ученій и мнѣній, такъ чтобы первое слилось и перемѣшалось съ послѣдними. Ибо хотя лучше ходить такою дорогою, которая проторена и утоптана, нежели такою, которая не утоптана и не углажена, или, лучше воздѣлывать такую землю, которая много разъ уже была разсѣкаема и размягчаема плугомъ: но писать на душѣ лучше такой, на которой еще не было начертано худое ученіе, и въ которую еще не врѣзались глубоко письмена зла. Въ противномъ случаѣ для краснописца Вѣры будетъ два дѣла: выводить письмена прежнія, и писать луч-

шія и достойнѣйшія занимать въ душѣ мѣсто. И чѣмъ болѣе въ душѣ худыхъ образовъ и начертаній худаго, какъ по отношенію къ прочимъ недугамъ, такъ и по отношенію къ дѣлу ученія: тѣмъ большій предлежитъ трудъ тому, кому ввѣрено дѣтоводительство душъ и попеченіе объ нихъ. Больше говорить о семъ оставляю, чтобъ не продолжить слова далѣе надлежащаго.

И такъ, если бы кто захотѣлъ сдѣлать кроткимъ и ручнымъ разновиднаго и многообразнаго звѣря, сложеннаго изъ многихъ звѣрей, великихъ и малыхъ, кроткихъ и свирѣпыхъ: тому конечно предстоялъ бы великій трудъ и немалый подвигъ, чтобы управиться съ симъ столь разнороднымъ и чудовищнымъ животнымъ; потому что не всѣ звѣри любятъ одни и тѣже звуки, или пищу, или прикосновеніе рукъ, или свистъ, и другіе способы укрощенія; но однимъ пріятно или непріятно то, другимъ другое, смотря по природѣ и по привычкѣ каждаго. Что же надлежало бы дѣлать укротителю такого звѣря?—не

иное что, какъ пріобрѣтать себѣ многія различныя и разнообразныя свѣдѣнія, и всегда умѣть принаровляться къ свойствамъ каждаго звѣря, если желаетъ его укротить и сберечь. Подобное сему предлежитъ и предстоятелю Церкви. Она есть одно общее тѣло, составленное, подобно какому нибудь сложному и разнородному животному, изъ многихъ и различныхъ нравовъ и умовъ. И предстоятелю совершенно необходимо быть и простымъ по правотѣ во всѣхъ отношеніяхъ, и, какъ наиболѣе, всеобразнымъ и многоразличнымъ въ обращеніи съ каждымъ, приспособляя и принаровляя ко всякому свою бесѣду. Ибо одни, будучи по состоянію младенцами и только еще, такъ сказать, образовавшимися, имѣютъ нужду питаться млекомъ, т. е., самыми простыми и основными догматами, потому что не могутъ сносить пищи ученія, свойственной мужамъ, такъ что если бы кто далъ имъ ея сверхъ силы, они бы тотчасъ, обременившись и отягчившись ею по недостаточности умственныхъ силъ (подобно

какъ бываетъ съ тѣломъ) къ принятію и усвоенію себѣ вошедшаго въ нихъ, потеряли и прежнюю силу; а другіе, кои достаточно обучили свои чувства къ различенію истины и лжи, и потому требуютъ себѣ премудрости *предлагаемой совершеннымъ*, и пищи высшей и твердѣйшей, ослабѣли бы, если бы ихъ стали поить молокомъ и питать овощами,—пищею немощныхъ;— и весьма естественно, потому что они не укрѣплялись бы по Христѣ, и невозрастали бы тѣмъ достойнымъ хвалы возрастаніемъ въ мужа, которое производится ученіемъ *совершенныхъ*, приводящимъ хорошо питающагося имъ въ мѣру духовнаго возраста. Но кто способенъ къ сему? Мы не хотимъ быть подобными тѣмъ, кои поддѣлываютъ ученіе истинное и мѣшаютъ вино съ водою, (т. е., ученіе, веселящее сердце человѣка, съ обыкновеннымъ и не имѣющимъ никакой цѣны, вбирающимся въ землю, уходящимъ и протекающимъ понапрасну), чтобы получить самимъ себѣ какой нибудь прибытокъ отъ такой под-

дѣлки, и бесѣдуютъ со всѣми къ нимъ приходящими о томъ и другомъ такъ и иначе, и со всякимъ, какъ тому угодно, какъ нѣкіе чревовѣщатели и пустословы, удовлетворяя собственнымъ своимъ похотямъ словами, вѣщаемыми отъ земли и въ землю уходящими, какъ бы думая всего болѣе прославиться у народа тѣмъ, что всего болѣе вредятъ или погубляютъ самихъ себя, и проливаютъ невинную кровь простѣйшихъ душъ, которая взыщется отъ рукъ нашихъ. Но мы знаемъ, что лучше отдать другимъ, искуснѣйшимъ насъ, бразды управленія нами, нежели самимъ неискусно держать бразды управленія другими, и что лучше приклонять ухо благопокорное, нежели двигать языкъ ненаученый.

Разсуждая объ этомъ съ самимъ собою, и, можетъ быть, съ неглупыми, или, по крайней мѣрѣ, благонамѣренными совѣтниками, я, не зная ни того, что должно говорить, ни того, что должно дѣлать, за лучшее счелъ тому учиться, нежели, будучи неискуснымъ, учить. Ибо хорошо, чтобъ, хотя въ глубокой

старости, кто пріобрѣлъ слово старческое, могущее пользовать юную въ благочестіи душу. Напротивъ браться учить другихъ, прежде нежели самъ достаточно научился, и, какъ говорятъ, у горшка учиться гончарству, то есть, учиться благочестію надъ душами другихъ, мнѣ кажется дѣломъ людей или крайне несмысленныхъ, или крайне дерзкихъ: — несмысленныхъ, поколику не чувствуютъ и собственнаго своего невѣжества; дерзкихъ, поколику, даже сознавая оное, отваживаются на такое дѣло.

Мудрѣйшіе изъ Евреевъ говорятъ, что у Евреевъ древле былъ нѣкоторый, весьма справедливый и достойный одобренія, законъ, коимъ не всякому возрасту позволялось читать всякую книгу Писанія;—что и не было бы полезно, потому что не всякая книга уже для всякаго понятна; а книга, содержащая въ себѣ глубочайшій смыслъ, причинила бы многимъ и величайшій вредъ своею наружною стороною:—но постановлялось, чтобы однѣ изъ книгъ, которыхъ и наружная сторона не опасна, да-

вались всѣмъ съ самаго начала, и были въ общемъ употребленіи; а другія, которыя подъ простою одеждою скрываютъ таинственную красоту,—награду трудолюбія и свѣтлаго житія, просвѣчивающую и открывающуюся только очищеннымъ по уму,—не дозволялись никому другому, какъ только тому, кто достигалъ уже свыше двадцати—пятилѣтняго возраста, такъ какъ въ семъ только возрастѣ можно быть выше тѣла и умѣть восходить отъ письмени къ духу. А для насъ нѣтъ никакихъ предѣловъ—учить и учиться, какъ древле камней для колѣнъ, находившихся по ту сторону и среди Іордана, нѣтъ никакого распредѣленія, кому поручить то, кому другое, и нѣтъ никакого правила для возрастовъ; но такъ все это у насъ заброшено и слито, и мы въ такомъ худомъ положеніи, что большая часть изъ насъ, чтобъ не сказать всѣ, прежде нежели отложимъ первый волосъ и дѣтское лепетаніе, прежде нежели войдемъ въ Божественные дворы, прежде нежели узнаемъ даже названія

книгъ Священныхъ, и выучимся распознавать Новый и Ветхій Завѣтъ, и ихъ писателей (уже не говорю: прежде нежели смоемъ нечистоту и скверну душевную, которыми запятналъ насъ грѣхъ), если успѣемъ затвердить два или три слова изъ догматовъ Вѣры, и то только по наслышкѣ, а не посредствомъ чтенія, или узнаемъ что нибудь изъ (псалмовъ) Давида, или выучимся ловко надѣвать одежду, или дойдемъ въ любомудріи до пояса, прикрасившись нѣкіимъ образомъ и видомъ благочестія: то (увы! предсѣданіе и мудрованіе! отъ самыхъ пеленъ освященъ Самуилъ) тотчасъ являемся мудрецами и учителями, высокими въ божественномъ, первыми изъ книжниковъ и законниковъ, посвящаемъ себя въ небесные, требуемъ *зватися отъ человѣкъ: учителю*, проповѣдуемъ, что буква—ничто, а все надобно понимать духовно, такъ какъ и сны—пустыя бредни; и разсердились бы, если бы насъ не очень хвалили. И такъ поступаютъ еще скромнѣйшіе изъ насъ и простѣйшіе: что же тѣ, кои болѣе ду-

ховны и благородны? Таковые, вовсе осудивши насъ, и, если имъ заблагоразсудится, истязавши, и поставивши въ ничто, удаляются отъ насъ, гнушаясь даже общенія съ нами, какъ съ людьми неблагочестивыми. А если бы съ кѣмъ нибудь изъ нихъ вступили мы въ разговоръ и разсужденіе, напр., хотя такимъ кроткимъ образомъ: скажи мнѣ, мужъ почтенный, почитаешь ли ты за что нибудь искуство—плясать или играть на свирѣли?—«Безъ всякаго сомнѣнія»—онъ сказалъ бы. А мудрость и любомудріе, которое мы полагаемъ въ знаніи вещей Божескихъ и человѣческихъ, значатъ ли что нибудь?—Онъ уступилъ бы намъ и это. Что же лучше и превосходнѣе: тѣ ли искуства—мудрости, или мудрость—тѣхъ искуствъ? Увѣренъ, что скажутъ: «мудрость всего лучше»; и доселѣ они прямодушны. Если же для искуства плясать и играть на свирѣли есть наука и ученье, и потребно много времени, пота и трудовъ, а иногда нужно давать плату, имѣть проводниковъ, предпринимать дальнія путешествія и дѣлать или переносить

все прочее, чѣмъ только пріобрѣтается опытность: то ужели мудрость, которая все превосходитъ, и объемлетъ въ себѣ всѣ блага, такъ что самъ Богъ, хотя называется многими именами, но болѣе любитъ именоваться ею, нежели другимъ какимъ именемъ, мы почтемъ дѣломъ такъ легкимъ и обыкновеннымъ, что слѣдуетъ только захотѣть, и будешь мудрымъ?—Это была бы великая глупость. Если бы, говорю, мы или хотя другой кто поученѣе и поумнѣе сталъ имъ такъ говорить, чтобы мало по малу вывесть ихъ изъ заблужденія: то это было бы тоже, что сѣять на камняхъ и говорить въ уши неслышащихъ. Такъ мало у нихъ мудрости даже на то, чтобъ познать свое невѣжество. И мнѣ кажется приличнымъ сказать о нихъ то, что говоритъ Соломонъ: *есть лукавство, еже видѣхъ подъ солнцемъ* (Еккл. 10, 5), *мужа непщевавша себе мудра быти* (Прит. 26, 12), и, что хуже, взявшагося учить другихъ, тогда какъ самъ не знаетъ даже собственнаго невѣжества. Если какой другой, то наипаче сей не-

дугъ достоинъ слезъ и рыданій. И я часто оплакивалъ его, хорошо зная, что мнѣніе—быть чѣмъ либо—весьма много отнимаетъ отъ самаго бытія тѣмъ на дѣлѣ, и что тщеславіе есть великое для людей препятствіе къ добродѣтели. Но увражевать и остановить сей недугъ могъ бы какой нибудь Петръ или Павелъ, сіи великіе ученики Христовы, получившіе съ правомъ и дарованіе управлять словомъ и дѣломъ, и бывшіе всѣмъ для всѣхъ, да всѣхъ пріобрящутъ. А для насъ, которые не таковы, много и того, если хорошо будемъ управляемы и руководимы тѣми, которымъ такого рода дѣла ввѣрены для исправленія и управленія. Но поелику мы упомянули о Павлѣ и подобныхъ ему; то, если угодно, оставивъ всѣхъ другихъ, кои только были поставляемы народу или для законодательства, или для пророчества, или для воеводства, или для другаго подобнаго домостроительства, какъ то: Моусея, Аарона, Іисуса, Иліо, Елиссея, Судей, Самуила, Давида, множество Пророковъ, Іоанна, двѣнадцать учениковъ,

и подобныхъ имъ преемниковъ ихъ, изъ которыхъ каждый въ свое время проходилъ свое званіе со многимъ потомъ и трудами,—оставивъ всѣхъ сихъ, представимъ одного Павла свидѣтелемъ нашего слова, и хотя на немъ посмотримъ, сколь великое дѣло есть попеченіе о душахъ, и малаго ли оно требуетъ труда или знанія. А чтобы удобнѣйшимъ образомъ это узнать и понять, то послушаемъ, что говоритъ самъ Павелъ о Павлѣ.

Не буду говорить о его трудахъ, бдѣніяхъ, страхахъ, злостраданіяхъ отъ голода и жажды, холода и наготы, о внѣшнихъ злоумышленникахъ и внутреннихъ противникахъ. Опускаю гоненія, сонмища, темницы, узы, обвинителей, судилища, ежедневныя и ежечасныя смерти, кошницу, побіенія камнями, сѣченія лозами, странствованіе, опасности на сушѣ, опасности на морѣ, глубину, кораблекрушенія, опасности на рѣкахъ, опасности отъ разбойниковъ, опасности отъ сродниковъ, опасности отъ лжебратій, пропитаніе отъ своихъ

рукъ, безвозмездное благовѣстіе, и то, какъ онъ былъ зрѣлищемъ и для Ангеловъ и для человѣковъ, стоя между Богомъ и человѣками—за человѣковъ подвизаяся, къ Богу приводя и усвояя народъ многочисленный. Кромѣ сихъ отвнѣ зависѣвшихъ приключеній, кто достойно повѣдаетъ ежедневныя его наблюденія, его попеченіе о каждомъ, его заботу о всѣхъ церквахъ, его ко всѣмъ состраданіе и братолюбіе? Претыкался ли кто?—и Павелъ изнемогалъ. Соблазнялся ли кто?—и Павелъ воспламенялся. А что сказать о его трудолюбіи въ ученіи, о разныхъ образахъ врачеванія, о человѣколюбіи и строгости, и о смѣшеніи и срастворенiи обоихъ, такъ что ни кротостію не разслабляетъ, ни суровостію не ожесточаетъ? Онъ законополагаетъ рабамъ и господамъ, начальникамъ и подначальнымъ, мужамъ и женамъ, родителямъ и дѣтямъ, браку и безбрачію, воздержанію и роскоши, мудрости и невѣжеству, обрѣзанію и необрѣзанію, Христу и міру, плоти и духу. За однихъ благодаритъ, другихъ укоряетъ; однихъ

называетъ радостію и вѣнцемъ, другихъ обличаетъ въ неразуміи; однимъ, которые право ходятъ, сопутствуетъ и сосердствуетъ, другихъ, которые не право ходятъ, останавливаетъ; то отлучаетъ, то пріемлетъ въ любовь; то плачетъ, то радуется; то напоетъ млекомъ, то возвѣщаетъ тайны; то снисходитъ, то совозводитъ съ собою; то грозитъ *палицею*, то дышитъ кротостію; то возносится съ высокими, то смиряется съ смиренными; то меньшій есть Апостоловъ, то удостовѣряетъ, что въ немъ говоритъ Христосъ; то желаетъ *отыти* и *жренъ бываетъ*, то почитаетъ нужнѣйшимъ оставаться для своихъ во плоти, потому что не своей ищетъ пользы, но пользы чадъ, которыхъ родилъ во Христѣ благовѣствованіемъ—(такова цѣль и всякаго духовнаго начальства, чтобъ во всемъ пренебрегать собственную пользу для пользы другихъ); хвалится немощами и скорбями; какъ нѣкимъ убранствомъ, красуется мертвостію Іисусовою; возвышается надъ плотскимъ, и восхищается духовнымъ; не невѣжда въ позна-

ніи, и говоритъ, что видитъ *въ зерцалѣ и гаданіи*; дерзаетъ духомъ, и изнуряетъ тѣло, порабощая его какъ противоборника;—чему онъ учитъ насъ этимъ, и чему наставляетъ?—не превозноситься мудростію земною, не надмеваться знаніемъ, не возставлять плоти противъ духа;—за всѣхъ подвизается, за всѣхъ молится, за всѣхъ ревнуетъ, за всѣхъ воспламеняется—за не находящихся подъ закономъ и за находящихся подъ закономъ, какъ *учитель* язычниковъ и попечитель Іудеевъ; дерзалъ онъ и на нѣчто большее ради братій своихъ по плоти—(о если бы и мнѣ самому, который говорю это, дерзнуть на что либо!), когда изъ любви къ нимъ молился, чтобъ они вмѣсто его самаго приведены были ко Христу. О величіе души! о горячность духа!—подражаетъ Христу, содѣлавшемуся ради насъ клятвою, воспріявшему наши немощи, и понесшему наши болѣзни, или, чтобы сказать правильнѣе, первый послѣ Христа изъявляетъ готовность пострадать за нихъ, даже какъ нечестивецъ, только бы они спаслися. Но что я перечисляю по-

дробности? Живя не для себя, но для Христа и проповѣди, и распявъ себѣ міръ, и себя міру и всему видимому, онъ все почитаетъ малымъ и не стоющимъ его желанія; хотя благовѣствованіемъ наполнилъ все отъ Іерусалима и кругомъ, даже до Иллирика, хотя восхищенъ былъ до третьяго неба, хотя былъ зрителемъ рая, и слышателемъ словъ для насъ неизреченныхъ. Таковъ Павелъ, и всякъ, кто одного съ нимъ духа! А мы?—боюся, чтобъ намъ, по сравненію съ ними, не показаться какими нибудь или *юродивыми князьями Танесозыми* (Иса. 19, 11), или *приставниками пожинающими*, или ложно *блажащими* народъ и, прибавлю, ублажаемыми, и *стези ногъ вашихъ возмущающими* (3, 12), или *ругателями господствующими*, или *юношами* княжащими и не имѣющими ни столько разума, ни столько хлѣба и одежды, чтобы быть вождями (3, 4—7), или *пророками учащими беззаконная* (3, 15), или *князьями непокоряющимися* (1, 23), и достойными проклятія, вмѣстѣ съ отечественными богами,

за жестокость голода (8, 21), или *священниками*, весьма далекими отъ того, чтобы *глаголать въ сердце Іерусалиму* (40, 2),— что все сильно порицаетъ и обличаетъ очищенный Серафимскимъ угломъ Исаія.

Но можетъ быть это дѣло такъ велико и такъ многотрудно для сердца, только чувствительнаго и боязливаго, и сущая *моль костемъ* для человѣка, только разсудительнаго (Притч. 14, 30); между тѣмъ какъ опасность сама въ себѣ мала или бѣда незначительна? — Мнѣ однакожъ наводитъ великій страхъ съ одной стороны блаженный Осія, говоря, что насъ, священниковъ и начальниковъ, ожидаетъ судъ за то, что мы были *петлею на стражбѣ*, и какъ бы *сѣтію, распростертою на Ѳаворіи*, воткнутою ловцами душъ человѣческихъ (Ос. 5, 1. 2), и угрожая *пожать* ложныхъ *пророковъ* (6, 5), истребить *огнемъ судей ихъ* (7, 7), и на нѣсколько времени не помазывать *царя и князи* (8, 10) за то, что *они царствовали для себя, а не для* Бога (8, 4); а съ другой—Божественный Михей, который, не терпя,

чтобъ *созидаемъ былъ Сіонъ кровми* (какими хочешь), *и Іерусалимъ неправдами, старѣйшины его на дарѣхъ судили, жерцы на мздѣ отвѣщавали, и пророки на сребрѣ волхвовали* (Мих. 3, 10. 11)—ибо за все это *Сіонъ яко нива изорется, и Іерусалимъ яко овощное хранилище будетъ, и гора дому якоже лугъ дубравный* (3, 12)—и вмѣстѣ оплакивая оскудѣніе добрыхъ, такъ что едва гдѣ остался колосокъ или ягодка, когда и князь проситъ и судія дѣлаетъ, чего кто хочетъ (7, 1—3), вопіетъ почти тоже, что и великій Давидъ, говоря: *спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный* (Псал. 11, 2), и возвѣщаетъ, что по этому и блага оставятъ ихъ, какъ поядаемыя молію (Мих. 7, 4).

А Іоиль?—Онъ и плачъ намъ заповѣдуетъ и хочетъ, чтобы служащіе жертвеннику *бились* (Іоиль 1, 13) въ тяжкое время голода (мало того, что не позволяетъ предаваться удовольствіямъ, когда другіе бѣдствуютъ), и кромѣ того, что освящаетъ постъ, проповѣдуетъ цѣльбу и собираетъ старѣйшинъ и младенцевъ (2, 15.

16) — сіи достойные жалости возрасты, еще требуетъ, чтобъ и сами они шли въ храмъ, въ пеплѣ и вретищахъ, и въ глубокомъ сокрушеніи поверглись на землю, *яко поля опустѣша* (1, 10) отъ безплодія, и *извержеся жертва и возліяніе изъ дому Господня* (1, 9), и такимъ смиреніемъ привлекли милосердіе.

Но что и Аввакумъ? — Сей говоритъ еще съ большимъ жаромъ, негодуетъ на самаго Бога, и какъ бы воплемъ преслѣдуетъ Христа Господа, за неправду судей, взывая: *доколѣ, Господи, воззову, и не услышиши? возопію къ Тебѣ обидимь, и не избавиши? Вскую мнѣ показалъ еси труды и болѣзни, смотрити страсть и нечестіе? противу мнѣ бысть судъ, и судія вземлетъ. Сего ради разорися законъ, и не производится въ совершеніе судъ* (Авв. 1, 2—4). Потомъ—угроза; и за тѣмъ продолжаетъ: *видите, презорливіи, и смотрите, и чудитеся чудесемъ, и изчезните: понеже дѣло Азъ дѣлаю* (ст. 5). Но для чего приводить всѣ грозныя слова его?— Нѣсколько далѣе, что, кажется мнѣ, луч-

ше присовокупить къ сказанному,—упомянувъ и оплакавъ многихъ, въ чемъ либо неправедныхъ и злыхъ, наконецъ упоминаетъ и самыхъ предводителей и учителей нечестія, называя зло *развращеніемъ мутнымъ* (2, 15), опьяняющимъ и въ безуміе вводящимъ умъ; — а объ нихъ самихъ говоря, что они напояютъ этимъ ближнихъ, чтобы видѣть души ихъ во мракѣ, и *пещерами* змѣй и звѣрей (2, 15), т. е., обиталищами злыхъ помысловъ. Таковы сіи *Пророки* и такіе уроки они намъ сообщаютъ!

Но можно ли пройти безъ вниманія и Малахію, который то грозно и жестоко осуждаетъ и укоряетъ священниковъ, что они презираютъ имя Господне, и присовокупляетъ—въ чемъ?—въ томъ, что приносятъ къ олтарю *хлѣбы сквернные и брашна уничиженная* (Мал. 1, 7), и, чего не принесли бы къ какому нибудь начальнику, или, принесши, подверглись бы безчестію (ст. 8), то самое во время моленій приносятъ Царю вселенскихъ: — хромое, недужное (ст. 13), растлѣнное (ст. 14), и вовсе скверное и

мерзкое; то напоминаетъ завѣтъ Божій съ Левитами;—это *былъ завѣтъ* (съ одной стороны) *жизни и мира, и* (съ другой)—*боязнію боятися Господа, и отъ лица имене Его устрашатися* (2, 5). *Законъ истины,* говоритъ, *бъ во устѣхъ его* (Левита), *и неправда не обрѣтеся во устнахъ его: въ мирѣ исправляяй иде со Мною, и многи обрати отъ неправды. Понеже устнѣ іереовы сохранятъ разумъ, и закона взыщутъ отъ устъ его,*— и какая важная и вмѣстѣ страшная причина!—*яко Ангелъ Господа Вседержителя есть* (стт. 6, 7). Не привожу слѣдующихъ за тѣмъ укоризненныхъ проклятій, страшась истины; но скажу, что не такъ грозно и вмѣстѣ полезно. *Еще ли,* говоритъ, какъ бы крайне негодуя, и отвергая жертвоприношеніе ихъ, ради ихъ развращенія, *еще ли достойно призрѣти на жертву вашу, или пріяти пріятно изъ рукъ вашихъ* (2, 13)?

А о Захаріи какъ только вспомню, трепещу меча, равно и того, что свидѣтельствуетъ онъ противъ священниковъ. Что говоритъ онъ объ ономъ знамени-

томъ Іисусѣ, великомъ Іереѣ, котораго, представивъ облаченнымъ въ ризы гнусныя и негодныя, переодѣваетъ послѣ въ іерейскія и свѣтлыя,—также и что у него представленъ Ангелъ говорящимъ и заповѣдующимъ Іисусу; это, какъ нѣчто большее, и, можетъ быть, высшее того, чтобъ могло быть отнесено ко многимъ священникамъ, да почтится молчаніемъ; изключая развѣ то, что *одесную Его еще стоялъ діаволъ, чтобы противиться ему* (Зах. 3, 1),—обстоятельство, по моему мнѣнію, не маловажное, и достойное страха и опасенія. А что онъ съ такою силою говоритъ въ обличеніе и угрозу прочихъ пастырей, то—у кого столько есть безстрашія и такая адамантовая душа, чтобъ слыша сіе не вострепетать и не смириться въ самомъ себѣ? *Глась плачущихъ пастырей*, говоритъ онъ, *яко возбѣдствова величіе ихъ: глась рыкающихъ львовъ* (11, 3), потому что они то и то пострадали;—точно какъ бы слышитъ онъ вопли уже настоящіе, и какъ бы плачетъ вмѣстѣ уже съ бѣдствующими. А нѣсколько далѣе онъ го-

воритъ еще разительнѣе и сильнѣе: *пасите овцы заколенія, яже стяжавшіи закалаху, и не раскаяваxуся, и продающіи я глаголаху: благословенъ Господь, и обогатихомся: и пастыри ихъ не печахуся ничимже о нихъ. Сего ради не пощажду ктому на живущихъ на земли, глаголетъ Господь Вседержитель* (11, 4—6); и еще: *мечу, востани на пастырей*; и—поразите пастырей, и разгоните овецъ, *и наведу руку Мою на пастыри* (13, 7); также: *на пастырей прогнѣвася ярость Моя, и на агницы посѣщу* (10, 3), присовокупляя угрозу уже и на начальниковъ народа. До такой степени напрягаетъ онъ свою рѣчь, и столь мало можетъ онъ удержаться отъ угрозъ, такъ что я боюсь, чтобы и мнѣ не впасть въ ненависть за то, что по порядку о нихъ вспоминаю. Вотъ какъ говоритъ Захарія!

О старѣйшинахъ Даніиловыхъ умолчимъ (ибо можно умолчать); равно умолчимъ и о томъ, что объ нихъ справедливо сказалъ и провозвѣстилъ Господь, т. е., что *изыде беззаконіе изъ Вавило-*

на отъ старецъ судей, иже мняхуся управляти людей (Дан. 13, 5). Но какъ пройти намъ Іезекіиля, сего зрителя и истолкователя великихъ таинъ и видѣній? Какъ умолчать о его повелѣніи стражамъ, чтобъ они не молчали о беззаконіи и о висящемъ надъ нимъ мечѣ; поелику это ни для нихъ, ни для беззаконниковъ не полезно, такъ какъ предусматривать и возвѣщать полезно и для тѣхъ и другихъ, если одни скажутъ, а другіе послушаютъ, или по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые возвѣщаютъ? Какъ умолчать о той его укоризнѣ, которою онъ преслѣдуетъ пастырей, то въ сихъ словахъ: *горе на горе будетъ, и вѣсть на вѣсть будетъ, и не будетъ видѣніе отъ пророка, и законъ погибнетъ отъ жреца, и совѣтъ отъ старецъ* (Іезек. 7, 26); то въ другихъ: *сыне человѣчь, рцы ему: ты еси земля неодождимая, ниже дождь бысть на тя въ день ярости; егоже старѣйшины средь его, яко львы рыкающе, восхищающе восхищенія, души изъядающе насиліемъ* (22, 24. 25); и немного пониже: *жрецы его*

отвергошася закона Моего, и осквернища святая Моя, между святымъ и скверна-вымъ не разлучаху, но все для нихъ было одинаково, *и отъ субботъ Моихъ покрываху очи свои, и оскверняху Мя посредь себе* (ст. 26); а потомъ угрожаетъ сокрушить и стѣну и обмазывающихъ ее (13, 14. 15), то есть, какъ тѣхъ, кои грѣшатъ, такъ и тѣхъ, кои прикрываютъ грѣхи, что свойственно худымъ начальникамъ и священникамъ, и обольщающимъ домъ Израилевъ, по сердцамъ ихъ, преданнымъ своимъ похотямъ? Не скажу уже о томъ, что говоритъ онъ о тѣхъ, которые пасутъ себя самихъ, молоко ѣдятъ и волною одѣваются и тучное закалаютъ, а овецъ не пасутъ, изнемогшаго не укрѣпляютъ, раненаго не перевязываютъ, заблуждшаго не обращаютъ, погибшаго не взыскуютъ, и крѣпкаго не берегутъ, но изнуряютъ трудомъ, и злонамѣренно погубляютъ, такъ что овцы, по недостатку пастырей, разсѣялись по всѣмъ полямъ и горамъ, и сдѣлались добычею всѣмъ птицамъ и звѣрямъ, отъ того,

что никто ихъ не отыскиваетъ и не приводитъ (34, 3—6). Что потомъ? *Живу Азъ, глаголетъ Господь: понеже* такъ все сдѣлалось, *и овцы Моя быша въ снѣденіе* (ст. 8): *се Азъ на пастыри, и взыщу овецъ Моихъ отъ рукъ ихъ* (ст. 10), и овецъ соберу и себѣ возьму, а они пострадаютъ то и то, что, то есть, слѣдуетъ худымъ пастырямъ.

Но чтобъ, исчисляя всѣ угрозы и всѣхъ Пророковъ, не продолжить мнѣ слова, упомяну еще объ одномъ, который былъ призванъ прежде рожденія и освященъ отъ материхъ ложеснъ: это — Іеремія (Іерем. 1, 5); прочихъ же миную. Сей проситъ главѣ воды и очамъ источника слезъ, чтобы достойно оплакать Израиля (9, 1). Но не менѣе того онъ оплакиваетъ и развращеніе предстоятелей. Богъ, обличая священниковъ, говоритъ ему: *священницы не рекоша: гдѣ есть Господь? и держащіи законъ, не вѣдѣша Мя, и пастыри нечествоваша на Мя* (2, 8). И самъ Пророкъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *обуяша пастыри, и Господа не*

взыскаша: сего ради не уразумѣ все стадо, и расточено бысть (10, 21); и въ другомъ: *пастыріе мнози растлиша виноградъ мой, осквернища часть мою, даша часть желаемую мою въ пустыню непроходную* (12, 10). Потомъ снова обращаетъ укоризну на самыхъ пастырей: *горе пастыремъ, иже погубляютъ и расточаютъ овцы паствы моея! Сего ради сія рече Господь къ пасущимъ людей моихъ: вы расточили есте овцы Моя, и отвергосте я, и не посѣтисте ихъ; се Азъ посѣщу на васъ по лукавству умышленій вашихъ.* (23, 1. 2). Онъ даже хочетъ, чтобы пастыри вопили и *овни овчіи* рыдали, *яко исполнишася дніе ихъ на заколеніе* (25, 34).

Но что я говорю все древнее? Пусть кто либо испытаетъ себя по правиламъ и опредѣленіямъ Павла, которыя онъ постановилъ касательно епископовъ и пресвитеровъ, то есть, чтобъ они были трезвы, цѣломудренны, не піяницы, не бійцы, учительны, неукоризненны во всемъ (1 Тим. 3, 2. 3) и непричастны

ничему злому: ужели не найдетъ въ себѣ значительнаго уклоненія отъ правоты сихъ правилъ? Что же сказать о заповѣдяхъ, которыя заповѣдалъ Іисусъ ученикамъ, посылая ихъ на проповѣдь, и коихъ сущность, чтобъ не говорить подробно о каждой, состоитъ въ томъ, чтобъ они такъ были добродѣтельны, такъ благонравны и благоразумны и, кратко сказать, небесны, чтобъ Евангеліе не менѣе распространялось посредствомъ ихъ жизни, какъ и посредствомъ ихъ слова? Но меня устрашаютъ и укоризны фарисеямъ и обличенія книжникамъ. Ежели намъ заповѣдано быть гораздо превосходнѣе ихъ по добродѣтели, если только желаемъ достигнуть царствія небеснаго: то какой же намъ будетъ стыдъ, если мы окажемся еще хуже ихъ по развращенію, такъ что будемъ заслуживать, что бы и насъ называли и зміями, и порожденіями эхиднъ, и вождями слѣпыми, комара отцѣживающими, а верблюда поглощающими, и гробами снаружи красивыми, а внутри скверными, и блюдами, по-

внѣшности только чистыми, и прочимъ, чѣмъ только они были и называются?

Съ такими мыслями провожу я и ночь и день. Сіе-то сушитъ во мнѣ мозгъ, изнуряетъ плоть, отнимаетъ бодрость и не даетъ ходить съ поднятыми глазами. Сіе-то смиряетъ душу, стѣсняетъ умъ, связываетъ языкъ и заставляетъ помышлять не о начальствѣ, не объ исправленіи другихъ и не объ управленіи другими,—для чего потребна особенная способность, а о томъ, какъ бы самому мнѣ избѣжать грядущаго гнѣва и хотя нѣсколько очистить себя отъ ржавчины грѣховной. Надобно сперва себя очистить, а потомъ уже очищать, сперва себя умудрить, а потомъ умудрять, сперва себя сдѣлать свѣтомъ, а потомъ просвѣщать, сперва себя приблизить къ Богу, а потомъ другихъ приводить, сперва себя освятить, а потомъ освящать. Руководствовать надобно съ руками, совѣтовать — съ разумомъ.

Когда же это будетъ?—скажутъ на все скорые и ни въ чемъ не твердые,

легко созидающіе и легко разрушающіе. Когда будетъ такой свѣтильникъ на свѣщникѣ, и гдѣ такой талантъ? — называя такъ дарованіе,—скажутъ пылающіе болѣе дружескою любовію, нежели благочестіемъ. Когда это будетъ?—Что мнѣ сказать вамъ, почтеннѣйшіе? Не великъ для сего срокъ и самая крайняя старость. Ибо благоразумная старость лучше безразсудной молодости, и разсудительная медленность—неосмотрительной поспѣшности, и кратковременное царствованіе — долговременной тираніи, подобно какъ и малая часть чего-либо драгоцѣннаго лучше множества ничего не стоющаго сору, малое количество золота—многихъ талантовъ свинцу, и малый свѣтъ—великой тьмы. А что дѣлается скоро, торопливо и слишкомъ поспѣшно, то какъ бы не было подобно тѣмъ сѣменамъ, которыя, упавъ на камни, и, поелику не внѣдрились въ глубь земли, скоро взошедши, не перенесли и перваго зноя солнечнаго; или тому, положенному на пескѣ, основанію, которое нисколько не выдержало дож-

дя и вѣтровъ. *Горе тебѣ, граде, въ немже царь твой юнъ* (Еккл. 10, 16), говоритъ Соломонъ. И тотъ же Соломонъ, говоря о поспѣшности въ словѣ, какъ вещи даже менѣе важной, чѣмъ поспѣшность въ дѣлѣ, гласитъ: *не скоръ буди въ словесѣхъ* (Еккл. 5, 1). Кто же, вопреки сему, предпочтетъ поспѣшность осторожности и пользѣ? Кто можетъ образовать въ одинъ день, какъ бы глиняную статую, ревнителя истины, который долженъ стоять съ Ангелами, славословить съ Архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсозидать созданіе, возстановлять образъ, приготовлять гражданъ для горняго міра, и, скажу болѣе, быть богомъ и дѣлать богами?

Знаю я, чьи мы служители, какъ мы низки, и куда мы посылаемъ; знаю Божію высоту и человѣческую немощь, также и силу. *Небо высоко, земля же глубока* (Притч. 25, 3). Кто же изъ поверженныхъ въ грѣхъ можетъ туда взойти? Кто, еще обложенный дольнимъ

мракомъ и дебелостію плоти, можетъ своимъ умомъ вполнѣ и совершенно узрѣть оный весь Умъ (Бога), и войти въ соприкосновеніе съ вещами постоянными и невидимыми, вращаясь среди вещей непостоянныхъ и видимыхъ, гдѣ едва ли кто изъ самыхъ очищенныхъ видѣлъ хотя одинъ образъ блага, такъ какъ видятъ солнце въ водѣ? *Кто измѣри горстію воду, и небо пядію, и всю землю горстію? Кто постави горы въ мѣрилѣ, и холмы въ вѣсѣ* (Ис. 40, 12)? *Кое мѣсто покоища Его* (66, 1) и чему изъ всего Онъ уподобится (40, 18)? Кто Тотъ, Который сотворилъ все словомъ, и создалъ человѣка премудростію, соединилъ несоединимое, смѣшалъ персть съ духомъ, и составилъ животное видимое и невидимое, временное и безсмертное, земное и небесное, Бога касающееся и не объемлющее, приближающееся къ Нему и удаляющееся отъ Него? *Рѣхъ*, говоритъ Соломонъ, *умудрюся, и сія* (премудрость) *удалися отъ мене, далече паче неже бѣ* (Екк. 7, 24. 25). И подлинно, *приложивый разумъ приложитъ бо-*

льзнь (Еккл. 1, 18); ибо не столько радуетъ найденное, сколько опечаливаетъ ускользающее, какъ, по моему мнѣнію, обыкновенно бываетъ съ тѣми, которые еще жаждутъ, но отрываются отъ воды, или которымъ хочется поймать что нибудь, но не могутъ того схватить, или отъ которыхъ мгновенно скрывается свѣтъ, ихъ осіявшій.

Вотъ что повергло меня долу, сдѣлало смиреннымъ, и убѣдило за лучшее счесть быть слушателемъ похвалы, нежели истолкователемъ того, что выше моей силы! То есть, величіе, высота и достоинство (священства), и то, что даже чистыя Естества едва постигаютъ сіяніе Бога, Котораго скрываетъ бездна; Которому покровъ тма, какъ свѣту чистѣйшему и для большей части (тварей) неприступному; Который и во всемъ и внѣ всего; Который есть и всякое добро и выше всякаго добра; Который просвѣщаетъ умъ, и убѣгаетъ отъ самаго быстраго и высокаго ума, удаляясь всегда столько, сколько постигается, и возводя любимца своего къ высшему, тѣмъ самымъ,

что убѣгаетъ и какъ бы изъ рукъ восхищается. Таковъ предметъ нашихъ желаній и нашихъ усилій! И таковъ долженъ быть невѣстоводитель душъ и другъ Жениховъ!

А я боюсь, чтобъ, связавъ мнѣ руки и ноги, даже не выбросили меня изъ брачнаго чертога, какъ не одѣтаго въ брачную одежду, но нагло вторгшагося къ возлежащимъ тамъ. Хотя впрочемъ я (чтобы сказать нѣчто для многихъ неизвѣстное) призванъ (Богомъ) отъ юности, привержонъ къ Нему отъ ложеснъ, отданъ въ даръ по матернему обѣту, и послѣ того укрѣпившись опасностями, возросши въ любви, утвердившись размышленіемъ, я добровольно все отдалъ Принявшему меня въ жребій свой, и Спасшему меня, какъ то: стяжаніе, славу, здоровье, самыя слова, отъ чего всего получилъ ту только выгоду, что имѣлъ что презрѣть, и чему предпочесть Христа. И сладки мнѣ сдѣлались словеса Божіи, какъ соты меда; и призвалъ я разумъ и мудрости подалъ голосъ мой; и въ другомъ я упражнялся, какъ то: умѣрялъ

гнѣвъ, обуздывалъ языкъ, уцѣломудрялъ око, наблюдалъ за чревомъ и попиралъ славу земную (безумствую, говоря сіе, но пусть будетъ сказано). Чрезъ все это я, можетъ быть, не сталъ хуже многихъ. Но намъ лучше любомудрствовать, нежели на самомъ дѣлѣ принимать на себя власть и начальство надъ душами, и, еще не научившись хорошо быть пасомыми, ни очистившись, какъ должно, по душѣ, браться уже за управленіе паствою, и притомъ въ такія времена, когда наилучшее дѣло—видя, какъ другіе мятутся, носясь то вверхъ то внизъ,—бѣгомъ убѣгать отъ такого поприща, и, удалясь подъ какой нибудь кровъ, укрыться отъ бури и тьмы лукаваго;—когда (говорю) члены ведутъ войну другъ противъ друга, а любовь, и остальная какая была, оскудѣваетъ, и священникъ иногда—пустое имя, какъ сказано: *изліяся уничиженіе на князи* (Псал. 106, 40). И о есть ли бы только пустое! Но да обратится хула на главы нечестивцевъ!

Впрочемъ нынѣ всякій страхъ изгнанъ изъ душъ, и на мѣсто его вошло безстыд-

ство. Всякій, кому вздумается, присвояетъ себѣ знаніе самыхъ глубинъ Духа. Мы всѣ благочестивы только потому, что другихъ осуждаемъ въ нечестіи. Въ судьи мы избираемъ нечестивцевъ, святое повергаемъ псамъ, и жемчужины бросаемъ свиньямъ, открывая, т. е., Божественное ученіе сквернымъ ушамъ и душамъ. Усердно исполняемъ, несчастные, желанія враговъ, и не стыдимся *блудить въ начинаніяхъ нашихъ* (Пс. 105, 30). Моавитяне и Аммонитяне, которымъ не надлежало даже входить въ церковь Господню, у насъ расхаживаютъ въ самомъ святилищѣ. Мы для всѣхъ отверзли не врата правды, но двери злословія и взаимной наглости; и у насъ не тотъ самый лучшій, кто, изъ страха Божія, не произноситъ даже празднаго слова, но тотъ, кто болѣе всѣхъ злословитъ ближняго, то прямо, то намеками, и, скажу точнѣе, подъ языкомъ своимъ обращаетъ трудъ и болѣзнь, или ядъ аспидовъ. Ловимъ грѣхи другихъ, не для того, чтобы оплакивать ихъ, но для того, чтобы осуждать, и не для того,

чтобы врачевать, но для того, чтобы еще болѣе уязвлять, и язвами ближнихъ оправдывать собственные наши пороки. Злыхъ и добрыхъ различаемъ не по жизни, но по враждѣ и дружбѣ; что нынѣ хвалимъ, то завтра осуждаемъ; что у другихъ порицаемъ, тому у себя удивляемся, и во всемъ охотно поблажаемъ нечестію: такъ мы великодушны для порока! Все стало такъ, какъ было въ началѣ, когда еще не было міра, и настоящаго въ немъ благоустройства и благообразія; но все, бывъ слито и безобразно, требовало себѣ образующей руки и силы. Или, если угодно, мы, какъ бы во время ночнаго сраженія и при тусклыхъ лучахъ мѣсяца, не распознавая враговъ и друзей, или какъ бы, во время кораблекрушенія и бури, оглушенные порывами вѣтровъ, кипѣніемъ моря, плесками волнъ, трескомъ кораблей, стукомъ веселъ, криками начальниковъ, и стонами падающихъ, недоумѣвая и не имѣя возможности показать мужество (о бѣдствіе!), поражаемъ другъ друга и гибнемъ другъ отъ друга. И не съ

народомъ только такъ, а священникомъ иначе: напротивъ, мнѣ кажется, нынѣ въ точности исполняется то, что древле сказано въ клятвѣ, что *іерей сталъ тоже, что народъ* (Ис. 24, 2. Ос. 4, 9). И не чернь только, какъ сказано, такъ поступаетъ, а вожди и начальники народа — иначе: напротивъ, сіи-то и ведутъ открытую войну противъ священниковъ, выставляя предлогомъ къ тому, для убѣжденія другихъ, благочестіе.

Кто терпитъ это за вѣру и за высочайшіе и первѣйшіе догматы: тѣхъ я не порицаю; а если сказать правду, то и похваляю и привѣтствую. (О еслибы и мнѣ быть однимъ изъ тѣхъ, которые подвизаются, и подвергаются ненависти, за истину! Но могу похвалиться, что я и дѣйствительно изъ числа таковыхъ). Ибо похвальная война лучше мира, разлучающаго съ Богомъ. Для сего-то Духъ и вооружаетъ кроткаго на войну, дабы онъ могъ хорошо воевать (Іопл. 3, 11).

Но нынѣ весьма безразсудно и горя-

чо нѣкоторые сражаются за малости, и безполезныя вещи; сколько можно болѣе, набираютъ себѣ сообщниковъ; потомъ все это прикрываютъ вѣрою: и сіе священное имя опозоривается личными ихъ любопрѣніями. А отъ сего, какъ и слѣдовало, мы подвергаемся ненависти у язычниковъ и, что прискорбнѣе, не можемъ сказать, чтобъ несправедливо; у своихъ же, даже справедливѣйшихъ, осужденію; и неудивительно, если тоже и у черни, которая едва ли что и доброе одобряетъ. На хребтахъ нашихъ дѣлаютъ грѣшники (Пс. 128, 3); что выдумываютъ между собою одинъ противъ другаго, то обращается противу всѣхъ, и мы сдѣлались новымъ зрѣлищемъ, только не для Ангеловъ и человѣковъ, какъ Павелъ, мужественнѣйшій изъ подвижниковъ, подвизавшійся противъ началъ и властей; но для всѣхъ почти злыхъ и во всякое время и на всякомъ мѣстѣ: среди торжищъ, среди пиршествъ, среди веселостей, среди сѣтованій. Уже мы дошли и до сцены (почти со слезами говорю), и насъ осмѣиваютъ, какъ

самыхъ позорныхъ людей, и ничто столько непріятно для слуха и зрѣнія, какъ Христіанинъ поругаемый. Вотъ что намъ принесла брань междуусобная! Вотъ что доставили намъ тѣ, которые чрезъ мѣру ревностно сражаются за Добраго и Кроткаго (Христа)!--Вотъ что—тѣ, которые болѣе, нежели сколько должно, любятъ Бога! Ибо не позволительно ни сражаться, ни пускаться на другой какой либо подвигъ, не такъ, какъ узаконено; въ противномъ случаѣ тотъ подвергнется поруганіямъ и безчестію, и потеряетъ побѣду, кто будетъ сражаться, или подвизаться въ чемъ либо другомъ, не хорошо и не по принятымъ правиламъ подвижничества, хотя бы впрочемъ былъ храбръ и весьма искусенъ. Ктоже будетъ подвизаться за Христа не по Христѣ, и потомъ споспѣшествовать миру, воюя за него не такъ, какъ должно? Самые демоны даже донынѣ трепещутъ Христова имени, и сила сего имени еще не утратилась отъ нашего разврата: а мы не стыдимся безчестить столь священный предметъ

и имя, и слышать, какъ Онъ почти открыто и каждодневно вопіетъ: *имя Мое хулится вами во языцѣхъ* (Иса. 52, 5)!

Впрочемъ я не боюсь брани внѣшней, ни воставшаго нынѣ на церкви звѣря (Юліана),—сей полноты (τὸ πλήρωμα) лукаваго, хотя бы онъ грозилъ огнемъ, хотя бы мечемъ, хотя бы звѣрями, хотя бы стремнинами, хотя бы пропастьми, хотя бы онъ былъ безчеловѣчнѣе всѣхъ когда либо неистовствовавшихъ, и хотя бы къ существующимъ мученіямъ присовокупилъ еще лютѣйшія. Одно у меня противъ всего врачевство, одинъ путь къ побѣдѣ (похвалюся во Христѣ): смерть за Христа. Но что касается до моей брани, то не знаю, какъ мнѣ быть, гдѣ найти помощь, откуда взять слово мудрости, какое имѣть дарованіе, и какимъ всеоружіемъ вооружиться противъ козней лукаваго! Какой Моисей побѣдитъ его, простерши руки на горѣ, дабы преодолѣлъ крестъ, симъ прообразуемый и прознаменуемый? Какой послѣ него Іисусъ—сражаясь вмѣстѣ съ

Архистратигомъ Божіихъ воинствъ? Какой Давидъ—поя Псалмы, или сражаясь пращами, препоясуясь отъ Бога силою на войну, или имѣя наученные Имъ персты на брань? Какой Самуилъ—моляся, и принося жертвы за народъ, и помазуя въ царя, могущаго побѣждать? Какой Іеремія оплачетъ сіе по достоинству, написавши плачъ объ Израилѣ? Кто возопіетъ: *пощади, Господи, люди Твоя, и не даждь достоянія Твоего на укоризну, да не обладаютъ ими языцы* (Іоил. 2, 17)? Какой помолится о насъ Ной, Іовъ и Даніилъ, вмѣстѣ молящіеся и вмѣстѣ упоминаемые, да утишится хотя нѣсколько наша брань, да пріидемъ сами въ себя, да познаемъ наконецъ другъ друга, да не будемъ изъ одного Израиля Іуда и Израиль, Ровоамъ и Іеровоамъ, Іерусалимъ и Самарія, которые попеременно то предаются за грѣхи, то оплакиваются? Но, признаюсь, у меня недостаетъ силъ для сей брани. И потому я далъ хребты, и, закрывъ лице, предался бѣгству, и, бывъ исполненъ горести, возжелалъ сидѣть въ уединеніи, и молчать, зная,

что время лукаво, что отверглись возлюбленные, что сдѣлались сынами отпадшими мы — виноградъ благовѣтвистый, лоза истинная, вся плодоносная, вся прекрасная, небесными каплями хорошо возращенная; что въ безчестіе мнѣ обратилась діадима моего украшенія, печать моей славы, вѣнецъ моей похвалы. Если же кто довольно имѣетъ для сего отважности и мужества, того я почитаю блаженнымъ за таковую отважность и за таковое мужество.

И я не говорю еще о брани внутренней,—въ насъ самихъ, въ страстяхъ нашихъ,—которой мы подвержены ночью и днемъ, то отъ немощи тѣла, иногда тайно, иногда явно; то отъ волнующаго насъ, и бросающаго вверхъ и внизъ, развлеченія чувствами и другими удовольствіями сей жизни; то отъ болотной грязи, съ которою мы смѣшены; то отъ закона грѣховнаго, воюющаго противъ закона духовнаго и силящагося растлить въ насъ царскій образъ и все, что вмѣстѣ съ нимъ отъ Боже-

ственнаго истеченія въ насъ внѣдрено. Едва ли кто, развѣ, либо образовавшись долговременнымъ занятіемъ въ любомудріи, и мало по малу отторгши то, что есть благороднаго и свѣтовиднаго въ душѣ, отъ низкаго и сопряженнаго со тьмою, либо удостоившись милости Божіей, либо при помощи того и другаго и при дѣятельнѣйшемъ упражненіи въ созерцаніи горняго, можетъ обуздывать вещество, долу влекущее. А пока не преодолѣемъ онаго по возможности, пока не будемъ достаточно очищены по уму, и далеко не превзойдемъ другихъ близостію къ Богу, я почитаю небезопаснымъ дѣломъ принимать начальство надъ душами, или (что равно составляетъ долгъ священника) быть посредникомъ между Богомъ и человѣками.

Что же привело меня въ сей страхъ? Не почтите меня слишкомъ боязливымъ, но еще весьма похвалите за благоразумную осторожность.

Съ одной стороны, я слышу отъ самаго Моисея, когда онъ получалъ отъ

Бога откровенія, что изъ многихъ призванныхъ на гору, однимъ изъ коихъ былъ и Ааронъ съ двумя сыновьями священниками, и семьдесятъ старѣйшинъ Синедріона, повелѣно было прочимъ поклониться издалека, а приблизиться— одному Моисею; народу же не позволено было и восходить, такъ какъ не всякому можно приближаться къ Богу, но только тому, кто можетъ, подобно Моисею, вмѣщать славу Божію. Но еще прежде сего, въ началѣ законодательства, трубы, молніи, громы, мракъ, гора вся дымящаяся и страшныя угрозы, что если даже скотъ прикоснется къ горѣ, то побіется камнями (Исх. 19, 13), и другіе подобные симъ ужасы остановили другихъ внизу; для нихъ много было и того, чтобы, и то послѣ немалаго очищенія, слышать только гласъ Божій; а Моисей и на гору восходитъ, и въ облакъ входитъ, и законы получаетъ, и скрижали пріемлетъ— для народа скрижали письмени, а для тѣхъ, которые выше народа, скрижали духа. Съ другой стороны, слышу о На-

дабѣ и Авіудѣ, что они, за то только, что воскурили ѳміамъ чуждымъ огнемъ, и были потреблены чуждымъ огнемъ, бывъ наказаны тѣмъ же, чѣмъ оказали нечестіе, и погибли въ то самое время, въ которое, и на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ оказали нечестіе: и Ааронъ отецъ ихъ, вторый у Бога по Моисеѣ, не имѣлъ силы спасти ихъ! Знаю и объ Иліѣ священникѣ и, немного послѣ него, объ Озѣ: о первомъ, что онъ понесъ наказаніе за беззаконіе дѣтей, которое дѣлали они относительно жертвъ, преждевременно починая котлы, и при томъ тогда какъ не только не одобрялъ ихъ нечестія, но часто и укорялъ ихъ за оное; о другомъ, что онъ за то только, что коснулся кивота, опрокинутаго тельцомъ, хотя и поддержалъ оный, но самъ погибъ; такъ Богъ соблюдалъ честь кивота! Знаю и то, что даже тѣлесные пороки священниковъ или животныхъ, не были оставляемы безъ вниманія, но было узаконено, чтобъ совершенные приносили совершенное, что думаю, было символомъ совершенства

душевнаго, и не позволялось всякому ни касаться священнической одежды или другой какой священной вещи, ни снѣдать самыхъ жертвъ, кому, когда и гдѣ не слѣдовало, ни по подражанію дѣлать елей помазанія, или составлять ѳиміамъ, ни входить во храмъ, если кто душею и тѣломъ нечистъ, даже отъ малѣйшей скверны; а не только, чтобы всякой могъ дерзновенно ходить во Святое Святыхъ, которое доступно было только одному, и то только однажды въ годъ, равно какъ видѣть или касаться завѣсы, или очистилища, или кивота, или Херувимовъ.

И такъ, зная сіе, равно и то, что никто недостоинъ великаго и Бога, и Жертвы, и Архіерея, развѣ кто напередъ представилъ себя жертвою живою, святою, совершилъ словесное служеніе благопріятное, и пожралъ Богу жертву хвалы и духа сокрушеннаго (каковой одной жертвы и требуетъ отъ насъ Тотъ, Кто даровалъ намъ все), какъ могъ я осмѣлиться приносить Ему жертву высшую, прообразованную великими таин-

ствами, или принять санъ и имя священника, прежде нежели усовершилъ руки на преподобныя дѣла; прежде нежели пріучилъ око здраво смотрѣть на твореніе, и единственно, чтобы удивляться Творцу, а не поносить Создателя; прежде нежели достаточно отверзъ уши (мои) къ ученію Господа, приготовилъ слухъ мой, чтобы не тяжко слышать, и привязалъ золотую серьгу съ многоцѣннымъ сардомъ, т. е., слово мудраго, къ уху доброслышащему (Прит. 25, 12); прежде нежели мои уста разкрылись и привлекли Духъ (Пс. 118, 131), или расширились и наполнились (Пс. 80, 11) духомъ таинъ и догматовъ, которыя должно изрекать; прежде нежели уста, говоря словами мудрости, связались Божественнымъ чувствомъ (Прит. 15, 7), чтобы во время, прибавлю, разтворяться; прежде нежели языкъ исполнился радованія, и содѣлался органомъ Божественнаго сладкопѣнія, будучи возбуждаемъ славою, востая съ самаго утра, и трудясь, пока не прильпнетъ къ гортани; прежде нежели ноги мои стали

на камени (Псал. 39, 3), бывъ *совершены*, какъ ноги слепей (Псал. 17, 34), и стопы мои направлены (Пс. 118, 134) по Богѣ, такъ чтобы имъ не только *вмалѣ*, но и нисколько *не проліяться* (Пс. 72, 2); прежде нежели всякій членъ содѣлался *оружіемъ правды* (Рим. 6, 13), и отложилъ всякую мертвость, *пожертую животомъ* (2 Кор. 5, 4) и уступившую духу? Кто, еще не горя сердцемъ отъ чистыхъ и огнемъ искушенныхъ словъ Божіихъ, при откровеніи ему Писанія, и *не написавъ* ихъ *трижды на широтѣ сердца* (Прит. 22, 21), такъ, чтобы имѣть *умъ Христовъ* (1 Кор. 2, 16), и не вошедши въ *сокровенныя отъ многихъ, невидимыя и темныя сокровища* (Иса. 45, 3), чтобы узрѣть сокрытое въ нихъ богатство и получить возможность обогащать онымъ другихъ, духовное излагая духовно (1 Кор. 2, 13);— кто, еще не *зрѣвъ*, какъ должно, *красоту Господню*, и не *посѣтивъ храмъ Его* (Псал. 26, 4), или лучше, самъ не сдѣлавшись *храмомъ Бога живаго* (2 Кор. 6, 16), и живымъ *жилищемъ Христо-*

вымъ духомъ (Еф. 2, 22. сн. 1 Петр. 2, 5);—кто, еще не познавъ сходства и различія между образами и истиною, и отъ тѣхъ не отставши, а къ сей не приложившись, чтобы, избѣгнувъ *ветхости письмени, работати во обновленіи духа* (Рим. 7, 6), и перейти вовсе къ благодати отъ закона, духовно исполняемаго чрезъ упраздненіе тѣла;—кто, еще не постигши всѣхъ наименованій и силъ Христовыхъ, ни на дѣлѣ, ни въ теоріи, какъ высшихъ и первыхъ, такъ и (ради насъ) нисшихъ и послѣднихъ, какъ то: Бога, Сына, Образа, Слова, Премудрости, Истины, Свѣта, Жизни, Силы, Дыханія, Истеченія, Сіянія, Творца, Царя, Главы, Закона, Путя, Двери, Основанія, Камня, Бисера, Мира, Оправданія, Освященія, Избавленія, Человѣка, Раба, Пастыря, Агнца, Архіерея, Жертвы, Перворожденнаго прежде твари, Перворожденнаго по воскресенію изъ мертвыхъ;—кто, слыша, какъ должно, сіи имена и предметы, но еще не сообщившись съ Словомъ и не причастившись Его потолику, поколику

каждымъ изъ сихъ Оно и есть и называется;—кто, еще не покушавшись и не научившись понимать *премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. 2, 7), будучи еще младенецъ, питаясь еще млекомъ, принадлежа еще къ числу тѣхъ, которые не счисляются въ Израилѣ, и не вписываются въ воинство Божіе, не имѣя еще силъ нести, какъ мужъ, крестъ Христовъ, и не будучи еще, можетъ быть, ни другимъ какимъ либо честнѣйшимъ членомъ; — кто, говорю, не смотря на все это, съ радостію и готовностію согласится на поставленіе себя во главу исполненія Христова (Церкви)? Никто, покрайней мѣрѣ, по моему разсужденію и разумѣнію; ибо это величайшій страхъ изъ страховъ, и крайняя опасность изъ опасностей для всякаго, кто разумѣетъ и важность дѣла и пагубность ошибки.

И такъ «пусть другой плыветъ для торговли», говорилъ я, «переплываетъ обширныя моря, и безпрестанно сражается съ вѣтрами и волнами, чтобы и пріобрѣсть, если удастся, и потерпѣть,

кто только весьма искусенъ въ мореплаваніи или въ торговлѣ: а для меня предпочтительнѣе, держась земли, проводя короткую и пріятную борозду, прибытки же и море привѣтствуя издалеча, жить такъ, какъ могу, съ малымъ и скуднымъ кускомъ хлѣба, и вести жизнь безопасную и безмятежную; нежели, ради великихъ прибытковъ, пускаться на долгую и великую опасность. Ибо для великаго — потеря не предпринимать большаго и не распространять добродѣтели на большее число людей, а останавливаться на маломъ:—это тоже, что великимъ свѣтомъ освѣщать малый домъ, или юношеское оружіе возлагать на дѣтское тѣло; но для малаго безопаснѣе носить малое, нежели возлагать на себя то, что превышаетъ его силы, чтобы тѣмъ не подвергнуть себя осмѣянію, и вмѣстѣ не впасть въ великую опасность, такъ какъ и башню строить, какъ мы слышали, прилично только тому, у кого есть, чѣмъ совершить ее (Лук. 14, 28).»

Вотъ вамъ отвѣтъ касательно бѣгства

моего, хотя, можетъ быть, и болѣе продолжительный, нежели какъ надлежало. Вотъ что удалило меня отъ васъ, друзья и братія; и хотя это для меня, а, можетъ быть, и для васъ, было прискорбно, но было необходимо, по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ тогда казалось.

А возвратили меня къ вамъ, во первыхъ, великая любовь моя къ вамъ и чувствованіе взаимной вашей любви ко мнѣ; ибо любовь ничемъ такъ не усиливается, какъ взаимнымъ расположеніемъ. Во вторыхъ, — собственная моя забота, собственное мое дѣло, — сѣдина и немощь святыхъ моихъ родителей, удрученныхъ болѣе мною, нежели старостію,—сего Авраама Патріарха, главы для меня драгоцѣнной и достойной считаться съ Ангелами, и Сарры, болѣющей родами духовнаго нашего рожденія въ ученіи вѣры. Давъ, какъ одинъ изъ первѣйшихъ обѣтовъ, обѣтъ—быть жезломъ ихъ старости и подпорою ихъ немощи, и стараясь по возможности исполнять оный, такъ что рѣшился оставить самое любомудріе, это стяжаніе и

имя всего для меня драгоцѣннѣйшее, или, говоря справедливѣе, рѣшился и не казаться любомудрствующимъ, послѣ того, какъ долго упражнялся въ любомудріи, я уже не могъ перенести, чтобы погибъ мой трудъ отъ одной причины и потерялось благословеніе, которое, какъ повѣствуется, нѣкто изъ древнихъ Святыхъ даже восхитилъ, обманувъ отца снѣдію и поддѣльными волосами, и уловивъ доброе худымъ образомъ, т. е., посредствомъ коварства (Быт. 27, 35). Сіи-то двѣ вещи были причиною того, что я побѣжденъ и сдѣлался уступчивъ. И, можетъ быть, нѣтъ никакой въ томъ несообразности, что обѣимъ симъ вещамъ уступили и подчинились прежнія мои разсужденія; поелику есть, думаю, время и быть побѣжденнымъ, какъ есть время и всякой вещи; и лучше быть честно побѣжденнымъ, нежели побѣдить съ явнымъ безчестіемъ. Въ третьихъ, наконецъ (и это самое важное, а потому, сказавъ объ этомъ, о прочемъ умолчу), я вспомнилъ о дняхъ древнихъ и, дойдя до одной изъ древнихъ исторій, из-

влекъ себѣ оттуда урокъ для настоящаго. Ибо мы не должны думать, чтобы это было написано безъ цѣли, чтобы это былъ пустой наборъ словъ и произшествій для одного душевнаго удовольствія слушающихъ, и какъ бы нѣкое обольщеніе для слуха, не простирающееся далѣе услажденія: это прилично баснотворцамъ и язычникамъ, которые, мало заботясь объ истинѣ, пріятностію вымысловъ и сладостію словъ очаровываютъ и слухъ и душу. Напротивъ мы, простирая смыслъ Духа на все до малѣйшей іоты или черты, не можемъ принять сего. Ибо не возможно, чтобы даже малѣйшія дѣянія были съ такимъ тщаніемъ понапрасну и описаны писателями, и донынѣ сохранялись въ памяти: но это для того, дабы намъ имѣть памятники и наставленія, какъ поступать въ подобныхъ, если случатся, обстоятельствахъ, такъ чтобы, слѣдуя прежнимъ примѣрамъ, какъ нѣкоторымъ правиламъ и образцамъ, инаго удаляться, а иное избирать. И такъ какаяжъ это исторія, и какой изъ ней урокъ?—можетъ быть,

не будетъ худо, для утвержденія многихъ, разсказать сіе. Бѣжалъ и Іона отъ лица Божія, или лучше, думалъ убѣжать; но уловленъ былъ моремъ, бурею, жребіемъ, чревомъ китовымъ и тридневнымъ погребеніемъ, прообразовавшимъ высшее таинство. Но онъ (бѣжалъ), чтобы не возвѣстить Ниневитянамъ печальной и несбыточной вѣсти, и послѣ сего не оказаться лжецомъ, когда городъ спасется; ибо онъ не о спасеніи порочныхъ печалился, но стыдился быть служителемъ лжи, и какъ бы ревновалъ о достовѣрности пророчества, которая въ немъ подвергалась опасности уничтожиться, если народъ не будетъ въ состояніи познать глубину Божія о немъ домостроительства. Впрочемъ я слышалъ отъ нѣкотораго, мудраго въ такихъ вещахъ, мужа, который не безразсудно оправдывалъ кажущуюся нелѣпость сей исторіи, а имѣлъ способность постигнуть тайну Пророка, что и не это понудило блаженнаго Іону бѣжать, привело въ Іоппію и изъ Іоппіи обратило въ Θарсисъ, и заставило рѣшиться предать

себя морю; потому что онъ, какъ Пророкъ, не могъ не знать того намѣренія Божія, что Богъ, по великой своей мудрости, по неиспытаннымъ своимъ судьбамъ и по неизслѣдимымъ и непостижимымъ путямъ своимъ, дѣйствовалъ угрозою для того, чтобъ Ниневитяне не подверглись тому, чѣмъ было имъ угрожаемо; а если зналъ, то и не могъ не покориться Богу, устроявшему спасеніе ихъ такъ, какъ Ему было угодно. Думать же, что Іона надѣялся скрыться въ морѣ, убѣжать и утаиться отъ великаго ока Божія, не есть ли совершенная нелѣпость и невѣжество? И можно ли повѣрить этому не только о Пророкѣ, но и о всякомъ другомъ, имѣющемъ умъ и, хотя сколько нибудь, признающемъ Бога и высочайшую Его силу? Напротивъ Іона (говорилъ мнѣ сказавшій это, и я вѣрю) зналъ лучше всякаго то, къ чему клонилась проповѣдь Ниневитянамъ, и то, что, рѣшившись на побѣгъ, онъ хотя мѣсто перемѣнитъ, но отъ Бога не убѣжитъ; потому что и никакой другой человѣкъ не можетъ сего

сдѣлать, хотя бы сокрылся въ нѣдрахъ земли или въ глубинахъ моря, хотя бы поднялся какимъ нибудь искуствомъ на крыльяхъ и взлетѣлъ на воздухъ, хотя бы удалился въ самыя преисподнія части ада, хотя бы покрылся густымъ облакомъ, или другое что придумалъ для надежнѣйшаго побѣга: это одно изъ всѣхъ вещей дѣло самое неизбѣжное и самое неодолимое. Когда Богъ восхощетъ кого удержать и подчинить своей власти, тогда Онъ упреждаетъ быстрыхъ, прехитряетъ хитрыхъ, превращаетъ сильныхъ, низлагаетъ высокихъ, укрощаетъ дерзость, подавляетъ силу. И такъ Іона не незналъ крѣпкой руки Божіей, которою угрожалъ другимъ, и вовсе не думалъ, что можетъ убѣжать отъ Бога: не будемъ этому вѣрить. Но поелику онъ предвидѣлъ отпаденіе Израиля и предчувствовалъ, что пророческая благодать перейдетъ къ язычникамъ; потому и уклоняется отъ проповѣди, медлитъ исполнить повелѣніе, и, оставивъ зерцало радости (ибо это значитъ у Евреевъ Іоппія), я разумѣю,

прежнее высокое свое достоинство, повергается въ море печали; потому и обуревается, и спитъ, и подвергается кораблекрушенію, пробуждается, и обличается жребіемъ, признается въ бѣгствѣ, ввергается въ бездну и, хотя поглощается китомъ, но не пожирается, а взываетъ въ немъ къ Богу, и, о чудо! по прошествіи трехъ дней, подобно Христу, оттолѣ возвращается. Но престанемъ говорить о немъ, въ надеждѣ, если Богъ дастъ, вскорѣ въ послѣдствіи, поговорить съ большею обстоятельностію.

Возвращаясь къ предмету своего слова, я прихожу къ мысли и разсужденію, что Іонѣ, можетъ статься, было и извинительно то, что онъ по сказанной мною причинѣ уклонялся отъ пророчества. А мнѣ какое бы оставалось извиненіе или какое оправданіе, если бы я дальше сталъ упорствовать и отрицаться отъ возложеннаго на меня, не знаю, какъ назвать, легкаго или тяжкаго, ига служенія? Ибо если кто и согласится со мною въ томъ, что́ здѣсь только и можетъ имѣть силу, т. е., что я гораздо

ниже того, чтобы быть священникомъ Божіимъ, и что сперва надобно быть достойнымъ церкви, потомъ жертвенника, а за тѣмъ уже предсѣдательства: то иной, можетъ быть, станетъ обвинять меня въ непослушаніи. Но ужасна угроза за непослушаніе и ужасно наказаніе за оное, такъ какъ и за противное оному, когда, т. е., ни отъ чего не уклоняются, ни отъ чего не отказываются, и, подобно Саулу, не скрываются въ отеческихъ *сосудьхъ* (1 Цар. 10, 22. *въ обозѣ*), бывъ даже слегка призываемы къ начальству; но съ поспѣшностію хватаются за оное, какъ за какое нибудь легкое и весьма удобное дѣло, тогда какъ нѣтъ надежды ни отмѣнить сего дѣла, ни поправить его новымъ.

И потому я затруднялся въ своихъ размышленіяхъ, не зная, что дѣлать, и стоя среди двухъ страховъ, изъ коихъ одинъ повергалъ меня, другій возстановлялъ. Но послѣ весьма долгаго недоумѣнія и взвѣшиванія себя съ той и другой стороны, или колебанія туда и сюда, подобно ручью, склоняемому не-

постоянными вѣтрами, наконецъ я уступилъ сторонѣ сильнѣйшей: я побѣжденъ и увлеченъ, убоявшись непокорства.

И смотрите, какъ я прямо и ровно стою посреди сихъ страховъ, не домогаясь начальства неданнаго, ни даннаго не отвергая. Ибо первое свойственно дерзкимъ, послѣднее—непокоривымъ, а то и другое—невѣждамъ. Я занимаю какъ бы средину между слишкомъ отважными и слишкомъ боязливыми, будучи боязливѣе тѣхъ, которые бросаются за всякимъ начальствомъ, и отважнѣе тѣхъ, которые убѣгаютъ всякаго начальства. Такъ я объ этомъ разсуждаю. Притомъ (чтобы представить сіе яснѣе), боязнь въ разсужденіи начальства, можетъ быть, найдетъ себѣ защиту въ самомъ законѣ благопокорства, потому что Богъ по благости своей награждаетъ вѣру, и кто на Него уповаетъ и возлагаетъ всѣ свои надежды, того Онъ устрояетъ въ совершеннаго предстоятеля: въ опасности же непослушанія, не знаю, что можетъ помочь, или какое извиненіе—послужить

ободреніемъ. Ибо должно страшиться, чтобы не услышать намъ касательно душъ ввѣренныхъ: «*Души ихъ отъ рукъ «вашихъ взыщу* (Іезек. 3, 18). Какъ вы «отказались Мнѣ быть вождями и на«чальниками народа Моего; такъ и Я «откажусь вамъ быть Царемъ вашимъ. «И какъ вы не послушались гласа Мое«го, но обратили ко Мнѣ жестокій хре«бетъ и не покорились; такъ будетъ и «съ вами, когда будете призывать Меня: «Я не призрю на молитву вашу и не «услышу ее».—Да не пріидетъ на насъ такой гласъ отъ праведнаго Судіи, Которому хотя воспѣваемъ *милость,* но воспѣваемъ вмѣстѣ и *судъ* (Пс. 100, 1).

Но я опять возвращаюсь къ исторіи, и нахожу между самыми благоискуснѣйшими изъ древнихъ, что, бывъ когда либо благодатію избираемы къ начальству или пророчеству, одни изъ нихъ съ готовностію повиновались призыванію, а другіе отрицались отъ сего дарованія, но ни тѣ, ни другіе не подвергались осужденію, ни отрицавшіеся—за свою робость, ни повиновавшіеся —

за свою готовность; ибо тѣ страшились величія служенія, а сіи съ вѣрою повиновались Призывавшему. Ааронъ изъявилъ готовность, а Моисей противился; Исаія съ готовностію послушался, а Іеремія боялся своей юности, и не прежде отважился на пророчество, какъ получивъ отъ Бога и обѣтованіе и силу, превышающую его возрастъ.

Симп-то мыслями я успокоиваю себя, и душа моя мало-по-малу уступаетъ и смягчается, подобно желѣзу, и въ подпору размышленіямъ беру время, а въ руководство—Божія оправданія, которымъ я подчинилъ всю мою жизнь. Посему не противлюсь и не прекаю, подобно какъ и Господь мой, будучи не къ начальству призываемъ, но, какъ овца, на заколеніе ведомъ; напротивъ еще припадаю и смиряюсь подъ крѣпкую руку Божію, и прошу извиненія въ прежней моей безразсудности и непослушаніи, если я въ томъ сколько нибудь виновенъ. Я умолкалъ; не всегда же мнѣ молчать. На малое время удалялся я, сколько нужно было для того,

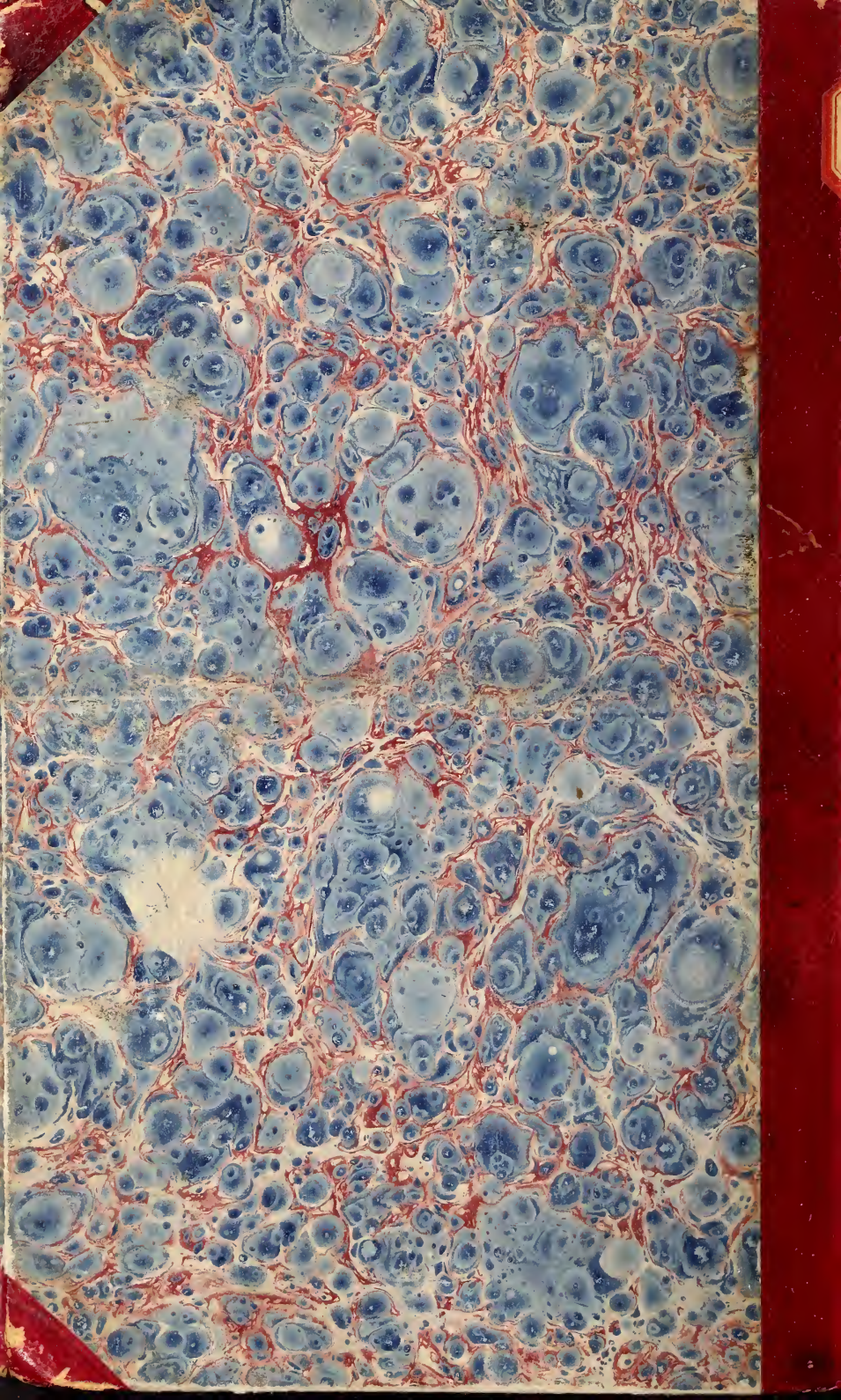
чтобъ разсмотрѣть себя и утѣшиться въ печали: нынѣ же рѣшился *возносить Его* (Бога) *въ церкви людстый, и на съдалищи старецъ восхвалять Его* (Псал. 106, 32). Если то достойно порицанія, то это достойно извиненія.

Но что мнѣ много распространяться? Вотъ я предъ вами, Пастыри и Сопастыри! Вотъ я предъ тобою, святая и достойная Христа Пастыреначальника, паства! Вотъ, Родитель, и предъ тобою я, совершенно побѣжденный и покорный болѣе по Христовымъ, нежели по внѣшнимъ законамъ! Вотъ тебѣ мое благопослушаніе, а ты возврати мнѣ благословеніе, и руководствуй молитвами, путеводствуй словомъ, укрѣпляй духомъ: *благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ* (Сирах. 3, 9). И о если бы укрѣпиться и мнѣ и сему духовному дому, который избралъ я, и о которомъ молюсь, чтобы онъ былъ мнѣ покоемъ во вѣкъ вѣка, доколѣ изъ здѣшней церкви переселенъ буду въ оную—къ торжеству первородныхъ, написанныхъ на

небесахъ! Таково, и такъ благословно мое желаніе!

Богъ же мира, сотворившій обоя едино, и возвратившій насъ другъ другу, посаждающій царей на престолахъ, и отъ земли воздвигающій нищаго, и отъ гноища возвышающій убогаго, избравшій Давида раба своего, и воспріявшій отъ стадъ овчихъ меньшаго въ сынахъ Іессеевыхъ и юнѣйшаго, дающій глаголъ благовѣствующимъ силою многою во исполненіе Евангелія, самъ да поддерживаетъ насъ за десную руку, да путеводительствуетъ по волѣ своей и да сохраняетъ со славою, пася пастырей и водя вождей, чтобъ намъ пасти паству Его искусно, а не съ *сосудами пастыря неискуснаго* (Зах. 11, 15); такъ какъ у древнихъ первое было въ благословеніи, а второе — въ проклятіи; да *дастъ* Онъ самъ *силу и державу людемъ своимъ* (Псал. 67, 36), и самъ да представитъ себѣ паству чистую и нескверную, достойную двора горняго веселящихся въ жилищи, во свѣтлости Святыхъ: дабы въ храмѣ Его всѣ мы,

паства и пастыри купно, глаголали славу, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему всякая слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: March 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111